

Глава 1 В дорогу

Жил да был на свете поп. Скажем сразу, лоб у него не был толоконным, а совсем наоборот, вполне толковым. Очень даже толковым и правильным был у батюшки лоб. Мысли в нём тоже были правильными, так как думал он, батюшка то бишь, сообразно заповедям Божьим и надобностям человеческим. Прихожане попа любили и почитали. Да и как не почитать, когда он к ним как к родным чадам – и подскажет и поможет, чем в состоянии. А слово доброе лечит, аки травка целебная. Вот и шли к нему за помощью, утешением и исцелением души. В храм шли. Руководство духовное доверило ему пост настоятеля этого храма. И нёс отец Андрей крест свой достойно сана своего. Встав засветло и помолившись, шёл он по церковному двору, останавливаясь порой и теребя седую бороду, словно складывая в неё очередную только что примеченную

им незадачу, и спешил дальше. Могучую фигуру его в широкой чёрной рясе можно было встретить в любой части храма, включая и хозяйственные постройки, в любое время суток.

Жил да был на этом же свете художник. Чудесным мастером дела своего был он. Картины его рождались душой и гением, и от того живыми были. И рощи на них шумели, и ручьи журчали, и птицы пели. Но особо Сергею-художнику портреты давались. Взглянет кто на такой портрет, и невольно заговорит с ним, как с живым. А потом и не вспомнит, о чём разговор-то был, но знает, что портрет отвечал ему. Чудны дела твои, Господи! А ещё чудесным образом очень уж художник был похож на знаменитого земляка своего – драматурга Александра Вампилова. Одно нехорошо было – молчуном художник был, людей сторонился. Оттого и пессимизма много в нём было, а радости мало. Да и картины раскупались плохо, а больше ничего он делать не считал возможным. Вот и жил художник бедно, и беду свою порой в вине топил. Бывало, сидит перед стаканом, ладонями сжимая

седеющие кудри, и вздыхает с надрывом. Но писать живые картины он всё же не переставал.

Жил да был в том же городе и поэт. Сказать, что он был гениальным, было бы преувеличением. Юрка, так его звали друзья, стихи писал хорошие, сборники свои издавал, и в журналах печатался, и в поэтических конкурсах призы брал. Он даже членом Союза писателей был. И пусть поэтом он был провинциальным, малоизвестным в стране, но в городе слыл довольно популярным. А главное, Юрка смотрел на жизнь глазами заядлого оптимиста. Болезнь поэта к коляске приковала, жена первая бросила и, забрав сына, к другому ушла. А с него — как с гуся вода. Подсмеивается сам над собой, ещё и других подбадривает. И дождался! Нашла его последняя, настоящая любовь. А звали её Лидою.

Вот с неё-то, с Лиды, и началась вся эта история...

Познакомились они с Юркой несколько лет назад, почти случайно. Городская администрация конкурс объявила на лучший гимн города. По какой причине — неизвестно, Юрка зажётся желанием поучаствовать. Он редко, чаще от скуки, участвовал в различных конкурсах, и без наград и побед не оставался. Но тут родной город, который поэт хоть и журил частенько, всё же любил какой-то сыновней любовью. Тут, как ни крути, вся жизнь прошла уже большей своей частью, вон и кудри проредило и будто снегом присыпало. Слова вырвались из сердца единым порывом и сразу Юрке понравились. Улыбнувшись, он скорчил довольную гримасу и победно надул щёки. Но необходима была музыка. А композитором Юрка, хоть и сочинил несколько милых мелодий для своих песен, всё же не являлся. И знакомых, способных поэту посодействовать, у него, сколько он ни пытался вспомнить, не было. Но если нужных людей нет рядом, совсем не значит, что их нет поблизости. И наверняка рядом окажутся те, кто знает, где находится это «поблизости». Так и получилось. Хорошая знакомая поэтесса предложила Юрке познакомиться с женщиной, которая могла бы ему помочь. И скоро она пришла. Вы наверняка думаете, что любовь, как в сказках, пронзила их сердца, и две души слились в одну! Но нет: принц Юрка остался холоден, принцесса Лидия и глазом не повела. Их объединяла одна цель — и только. Лидя действительно оказалась профессионалом, и вскоре текст гимна обрёл свою музыку, а Юрка, как оказалось потом, свою любовь. Помните, кот Матроскин говорил: «Совместный труд для моей пользы, он объединяет». Пока музыка ложилась на слова, пока гимн аранжировался, пока искали певца и делали студийную запись... Ну, в общем, вы понимаете. Принц увидел принцессу, вернее, он её разглядел. Всё чаще Юрка, будто случайно, задерживал свой взгляд на серых с зеленью глазах, на очаровательных ямочках, обрамляющих милую уже улыбку, на точёном стане и на тонких, музыкальных пальцах. А дальше всё было прекрасно. Гимн, хоть и не победил в конкурсе, соединил два одиноких сердца. А это

поважнее будет призов и грамот. Вскоре и пирком, да за свадебку. Батюшка их в церкви венчал. Уж как они друг дружку любили! Долго врозь и не могли, вот ведь как! Но случилось как-то Лиде по делам в областной центр отлучиться на несколько дней. И через день Юрка затосковал. А как? Они ведь с суженой ещё и дня друг без дружки не проводили.

Так вот. Вышла о ту пору батюшке надобность тоже в центр областной по церковным нуждам отправиться. А о беде Юркиной батюшка хорошо ведал, так как не только другом ему был, но и духовным наставником. Вот и предложил ему:

— Была у вас с Лидой свадьба-то, а свадебного путешествия и не было. Поехали вслед за ней в область. А заодно и на озеро знаменитое, на Байкал-батюшку заедем, Лиду с собой прихватив. Чем не свадебное путешествие?

На том и порешили. И ещё одного друга с собой придумали взять. Да-да, художника, конечно. Он сначала отказывался, как мог, мол, чего я там не видел, мол, только обузой буду. Но потом всё-таки решился. Выехали поутру. Сели в «карету» производства иностранного вчетвером — и с ветерком... Вот голова моя соломенная, четвёртого-то я и забыл представить!

Жил да был рядом с описанными уже выше персонажами церковный водитель. Звали его, как и художника, Сергеем. И ничем бы он особенным не выделялся, хорошо знал дело своё и был неплохим человеком, если бы не два обстоятельства. У Сергея на тот момент было одиннадцать ребятишек, мал мала меньше. Это сейчас их двенадцать, а тогда одиннадцать было — шесть мальчишек и пять девчонок. И тащил он на себе весёлое своё семейство с радостью. А ещё он на себе, незнамо, с радостью ли, Юрку-поэта таскал с четвёртого этажа вниз и обратно. А в Юрке весу около центнера, да и росту поболее, чем в носильщике. Ан, ничего. Коренаст был Сергей. Поднатужится, взвалит инвалида на хребет да и пойдёт, не разгибаясь. А Юрка только за шею его держится да из-за головы выглядывает, лыбясь, мол, и у меня ноги имеются. Вот на таких ногах и поехал Юрка вслед за милой. А милая поехала навстречу, в соседний с областным городок. Как узнала? Как только друзья выехали путешествовать, так Юрка и позвонил ей, встречай, мол, да готовься с нами на Байкал ехать. Лидя обрадовалась, конечно, и, пользуясь случаем, решила представить мужа родственникам, живущим в этом небольшом городке. Так Юрке и сказала:

— Встречаемся на даче у дяди Роберта.

Дядя Роберт приезжал к ним после свадьбы и произвёл на молодожёнов очень благоприятное впечатление, точнее, на жениха — невеста его с юных ногтей знала, дядька всё-таки. Он, будучи в гостях, настаивал, чтобы при любой возможности молодые непременно заехали бы к нему с ответным визитом.

— У нас там чудесная дача, у самой реки, — улыбаясь, агитировал Роберт Николаевич. — А природа! Азалия, жена моя, ещё та хозяйюшка. Все

насаждения ею выпестованы. Красота! Да так и не раскажешь, видеть надо. Приезжайте! И никаких отговорок слышать не хочу!

Юрка пытался было сослаться на свою инвалидность и сказать, что не всё зависит от одних желаний. Но, посмотрев на дядю Роберта, промолчал. Юрка увидел в его глазах какой-то загадочный огонёк и забыл о болезни. «Бог поможет», – пронеслось в голове.

И Бог помог...

Батюшка смотрел в боковое стекло и думал о чём-то. Дум было много – нужды храмовые, заботы мирские, а теперь вот и поездка ещё. Нет, он, конечно, нисколько не сожалел, что взял с собой поэта и художника. Кроме того, что они были друзьями и прихожанами, дорога с ними не станет скучной. Да и доброе дело Богу угодно. К тому же со свадебным путешествием получилось хорошо, Юрка вон как обрадовался, всё Лиде звонит, о встрече договаривается. «На постой бы определиться удачно», – думал отец Андрей, слушая Юрку, обратившегося к нему. А тот предложил заехать к Лидиным родственникам на дачу с ночёвкой. «Вот и замечательно», – промелькнуло у батюшки в голове:

– Конечно, – сказал он вслух, – заедем, если хочешь.

Юрка продолжал убеждать попутчиков в целесообразности своего предложения, а отец Андрей снова задумался. Вдруг что-то его насторожило.

– Сергей, – обратился он к водителю. – Стучит что-то. Поворачивай, пока далеко не отъехали. Не дай Бог, в дороге сломаться. Лучше вернёмся и пересядем на микроавтобус.

– Как скажете, батюшка, – согласился тот, выворачивая баранку против часовой стрелки. Самоходный экипаж, слегка накренившись, повернул восвояси.

– Приехали! – вслух подумал Сергей, вдавливая педаль тормоза в пол.

Он был абсолютно уверен, что не стоял здесь ГИБДДэшник ещё минуту назад, ну, не было его здесь.

– Здравия желаю, – представился человек в форме и с полосатой палочкой. – Инспектор, лейтенант Лесовик. Нарушаем? Поворот не включили. Хи-хи. А позвольте поинтересоваться, куда вы так резко развернулись? Ехать передумали?

– Да ничего мы не передумали, – сказал Сергей, несколько удивившись весёлости инспектора.

– И поворот включён. Машина вот застучала. Решили вернуться и на другую пересесть, чтобы уж без проблем дальше ехать.

– А! – словно с облегчением произнёс инспектор. – Поворот, действительно, горит. Просмотрел, хи-хи! Извиняйте. Счастливого пути! – козырнул лейтенант, улыбнувшись и сверкнув глазами...

Сергей тронулся. Через пару секунд, посмотрев в зеркало заднего вида, он увидел спускающегося по откосу в лес инспектора ГИБДД. На спине его жёлтого жилета чёрными буквами было выведено

ГАИ.

Привиделось, решил Сергей, ГАИ давно упразднили. А чему удивляться? Кешка, сынок, всю ночь концертировал, спать не давал. Тут и не такое померещится. За рулём бы не уснуть. Э-эх! Детки, растите поскорее. Сергей улыбнулся в русую, клинышком, бороду и прибавил газу.

Пересев из чёрного самодвижущегося экипажа в экипаж белый, перекрестившись на изображение Христа над храмовыми дверьми, друзья предприняли вторую попытку выехать в дорогу.

Долго ли ехали, коротко ли, только ехали. Тёплый август, улегшись на зелёном покрывале леса, наблюдал за машинами, несущимися по нагретому асфальту, и многочисленными грибниками, выставившими вёдра, наполненные дарами леса, прямо у обочин. Сергей невольно сбавлял скорость, проезжая мимо, и у друзей была возможность полюбоваться красными головками подосиновиков, бурями подберёзовиками, глянцевыми маслятами и прочими представителями грибного царства. Впрочем, никто не высказывал желания остановиться, и Сергей продолжал давить на газ.

Так и ехали, вёрсты на колёса накручивали. Мимо пролетали деревеньки, посёлки и города с весьма интересными названиями: Покосное, Тулун, Зима. Тайга оканчивалась полями, колхозными когда-то, урожайными, а теперь ничейными и пустыми. Залари, Владимир, Кутулик. Хвойные леса менялись лиственными, мелькали многочисленные речушки, скрипели мостики, через них брошенные. Сергей-водитель внимательно следил за дорогой, стараясь, чтоб пассажиров поменьше трясло и подбрасывало на колдобинах и выбоинах. Отец Андрей смиренно думы думал. Поэт восторгался окружающим – был бы хвост, завилал бы. А художник скептически улыбался, хотя, может, и не скептически. Может, он просто сравнивал свои картины и картины природы и был удовлетворён сравнением. Вот и Черемхово позади, и Усолье-Сибирское миновали. Юрка уже договаривался с Лидой о встрече. Та отдала трубку дяде Роберту, а Юрка – водителю. И дядя исполнял роль штурмана по телефону. Свернув в указанном месте с трассы, въехали в сосновый бор и остановились. Распахнув переднюю дверку, поэт с помощью рук выставил на подножку затекшие от многочасовой неподвижности конечности, облегчённо вздохнув. Батюшка и оба Сергея вышли из машины, жадно вдыхая настоящий на хвое послеобеденный воздух.

Глава 2

У дяди Роберта

Тёмно-зелёная иномарка выскочила из-за поворота и пронеслась мимо. Взвизгнув тормозами, она вдруг резко остановилась, подняв облако пыли. Из облака сначала, радостно улыбаясь, выбежала Лида. За нею, радушно разведя руки, появился пожилой мужчина

довольно статной наружности, с голубыми глазами на умудрённом возрастом лице и густой, тронутой сединой, русой шевелюрой. Юрка сразу узнал в нём дядю Роберта.

– Вот те на! – сказал удивлённо Роберт Николаевич.

– А Лидочка говорила, что вы на чёрной машине. А вы на белом автобусе. Если бы она батюшку не углядела, мы бы мимо проехали.

А Лида тем временем, благословившись у батюшки, прижималась к любимому.

– Давайте знакомиться, – продолжал дядя Роберт.

– Поручаемся. Юру-то я знаю. И с друзьями его буду счастлив познакомиться.

– Роберт Николаевич, – представился дядя Роберт, протянув ладонь сначала отцу Андрею, затем поочерёдно двум Сергеем. Ну, а поэта просто обнял, по-родственному.

– Ну что же, гости дорогие, езжайте за нами, нас, наверное, заждались уже.

Усевшись в машины, тронулись.

Проехав с километр по живописной дороге, с одной стороны которой раскинулся дачный посёлок с красивыми домиками и плодоносящими деревьями, а с другой – стройные берёзки вдоль берега реки, – как друзья узнали позже называемой Китоем, – остановились на перекрёстке у углового домика. Из передней машины вышел дядя Роберт и, подойдя к забору, с улыбкой сказал:

– Избушка, избушка, повернись к гостям передом, к соседям задом.

С этими словами хозяин открыл калитку и скрылся внутри. Через некоторое время распахнулись ворота, из-за которых он призывно махал рукой, приглашая заезжать.

Сергей осторожно стал въезжать во дворик. Прямо перед автобусом стояло солнышко на толстом зелёном стебле. Подъехав вплотную к большому подсолнуху, авто припал на передние колёса и замер. Справа гостей радостно приветствовала берёза. Слева, за рябиновым деревцем, стояла трёхэтажная «избушка». Первый её этаж был построен из красного кирпича и увит побегами хмеля. Второй же и третий этажи были из бруса, обитого вагонкой. Друзья вышли из экипажа и с любопытством стали осматриваться. На улице их уже встречала хозяйка и подошедший из второй машины молодой мужчина, как выяснилось позже, хозяйский сын Борис. Радушие тётки Азы, блондинки с серыми глазами и доброй улыбкой, буквально обволакивало гостей. Всех сразу же пригласили к большому столу, стоящему во дворе, у входа в дом. Отец Андрей и оба Сергея сели на лавку под ягодами боярки, Юрка подкатил на коляске, Лида села на стуле рядышком и положила руку на его ладонь. Напротив молодожёнов сидел Борис, а по левую руку – дядя Роберт с тёткой Азой. Правильнее будет сказать, что сидел дядя Роберт, тётка же Аза постоянно бегала в дом, чтобы стол не скудел. То грибочков поднесёт, то рыбки свеженькой сварганит с картошечкой рассыпчатой, то зеленушечки подрежет. А хозяин хмель подливал

да гостей разговорами тешил. А какие разговоры на даче? Конечно, о самой даче. Сколько ночей бессонных, в думах проведённых – что делать, как делать, где взять? Сколько дней жарких, пота из тел сочащегося и мозолей на ладонях пухнувших! К тому же ещё приходилось и председательствовать в своём дачном кооперативе. И с такой любовью Роберт Николаевич, с таким душевным надрывом рассказывал об этом, что заслушаешься, да и только.

– И скважину на двоих с соседом пробурили, – указывал он рукой на сооружение, стоявшее как раз между двух соседних участков.

Два бака, насос и трубы возвышались над стоящими на земле ваннами, как нефтяные вышки из вестернов о Диком Западе. Как раз к насосу вышел сосед и, поздоровавшись со всеми, начал качать воду. Друзья, поприветствовав его, продолжали кушать и слушать. За разговорами солнце клонилось к земле и лёгкий ветерок ворошил листья боярки, нависавшей над столом, вечерним ознобом.

– Ну что, гости дорогие, пора уже и в дом. Зябко как-то становится, – виновато улыбаясь, сказал хозяин.

Поблагодарив Господа за трапезу, все вышли из-за стола, насытившиеся и благодушные.

– Хорошо тут у вас, благостно, – заметил батюшка.

– Воздух чистый-чистый, – добавил Сергей-водитель.

– Да и спать совсем не хочется, – заключил художник.

Дядя Роберт улыбнулся и сказал:

– Ну, не хочется, чего себя неволить? Тут недалеко пруд есть. Там и рыбы полно, и красота природная. Если не спится, в самый раз туда съездить. Борис мой вам дорогу покажет. А я молодожёнов пока на ночлег определяю.

Так и порешили. Поэта закатали на первый этаж и в уютной спальне оставили наедине с супругой. Борис, батюшка и два Сергея, взяв на всякий случай рыбацкие снасти, погрузились в автобус. За руль посадили хозяйского сына и поехали...

Ночь всё укрыла темнотой. На небе горели звёзды, отражаясь в реке и тускло освещая дорогу, по которой, плавно переваливаясь, автобус вёз ночных любителей природы и рыбалки. Между креслами лежали две удочки, – больше не нашлось, – и полбуханки белого хлеба для наживки.

– Эх! – сказал, как всегда пессимистично, художник, – что вы собираетесь на хлеб поймать? Тут червяк нужен, а его-то у нас и нет. Зазря скатаемся.

– Почему зазря? Карась, бывает, и на хлеб берёт, а бывает, и на червя плюёт. Тут от его, карасёва, настроения всё зависит, – поспешил успокоить всех Борис.

Проехав очередную рощицу, он выкрутил руль вправо и, нажав на тормоз, сообщил:

– Приехали.

Даже штатный пессимист Сергей-художник пробубнил:

– Красиво! Надо будет написать. А вы говорили, зря съездим.

Никто не стал ему возражать, не до того было. В чаше с берёзовой окаёмкой лежало большое тёмное зеркало. Ветра совсем не было, и на гладкой поверхности его переливались звёзды.

– Красота какая! Вот бы детишек моих сюда, – прошептал Сергей-водитель – а то ведь не поверят, что бывает такое.

– Да! Благодарь Божья! – согласился отец Андрей и перекрестился.

– Ну, кто сегодня рыбак? – спросил Борис, доставая две удочки.

– Какой из меня рыбак? – сразу отказался художник. – Я уже не помню, когда и рыбачил. В детстве когда-то. Так что без меня. Я лучше вдоль бережка пройду, впечатлений наберусь, – и с этими словами не спеша побрёл к пруду.

Сергей-водитель сразу взял удочку, сказав, что рыбку поудит с большим удовольствием. Оставшееся удилице Борис протянул батюшке.

– Нет, Боря. Ты уж сам. А я помолюсь лучше. Здесь всё к этому располагает, – ответил тот.

Всё и вышло. Борис и Сергей, нанизав хлебный мякиш на крючки, закинули их подальше и стали ждать. Благо, ночь выдалась лунной, а небо – чистым. Поплавки, неподвижно застыв, хорошо различались на воде. Батюшка, глядя в звёздное небо, шептал молитву. А художник всё дальше отходил от них. Ему не было страшно, и он любил одиночество. Отойдя, как ему показалось, достаточно, чтобы уединиться, Сергей огляделся. Силуэты рыбаков еле угадывались позади. Впереди же был пустой берег. Он чуть не упал, запнувшись о корягу, торчащую из песка. Пробормотав что-то недовольно, художник уселся на неё и, уперев подбородок о руки, стал глядеть на воду...

– Мужчина! Проснитесь!

Сергей вздрогнул от неожиданности и открыл глаза. Сначала он почувствовал руку на своём плече, потом, приглядевшись, увидел человека в тёмном дождевике. Лицо, скрытое капюшоном, пугало.

– Извините, – незнакомец сбросил капюшон, показав вполне доброжелательное лицо пожилого человека.

– Я уже давно здесь рыбку ловлю и за вами приглядываю. Вижу, вы придремали. Решил разбудить, мало ли чего? Я думаю, вам в кровать надо или прилечь где. Не на улице, конечно.

Окончательно придя в себя, художник встал на ноги и внимательно посмотрел на неожиданного собеседника. За спиной того в прибрежный песок была воткнута удочка. Рядом стояло ведёрко, в котором что-то плескалось.

– Спасибо, что разбудили, – сказал Сергей, – у меня тут друзья недалеко рыбачат, а я вот прогуляться решил.

– Зря решили. И рыбачат зря, – отрезал рыбак.

– Почему же зря? У вас, я слышу, в ведре уже плавают кто-то, – справедливо заметил художник.

– Я, молодой человек, карасику червя предлагаю, а друзья ваши – мякиш хлебный. А рыбе ночью червяк-то по нраву. Так что ничего они не поймают, только зря глаза таращат. К тому же вам перед дорогой выспаться не помешало бы. Хи-хи.

– А вы откуда про дорогу знаете? – решил спросить Сергей

– Да знаю уж. Вы идите, идите. Вас уже ждут, – ответил человек в дождевике, накидывая капюшон.

Сергею почудилось, что глаза его, прежде чем скрыться, немного блеснули.

Возвращаясь, Сергей-художник всё думал о странном незнакомце. Откуда он о дороге знает? А что они на мякиш удят, откуда? Нет, лучше не говорить об этой встрече, смеяться будут. С такими размышлениями он и подошёл к друзьям. А те как раз уже и удочки смотали.

– Даже не клюнуло ни разу, – сказал Борис. – Вовремя вернулся. Поехали.

Батюшка уже сидел в автобусе. И вскоре, погрузившись всей компанией, рыбаки тронулись обратно...

Но я иначе не хочу.

И благодарен Богу,

Что он зажжёт твою свечу,

Мне осветив дорогу.

Закончив читать стихотворение, которое Лиде нравилось особенно, Юрка откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Они уже долго не ложились, всё наговориться не могли. И разлуки-то, кажется, совсем ничего было, подумаешь – три дня. А столько хотелось друг другу рассказать. Да и просто помолчать вдвоём было особенно сладко. Печка, стоящая посреди комнаты, грея влюблённых, как языком, довольно пощёлкивала горящими поленьями. В дверь постучали.

– Эй! Молодожёны, не спите ещё? Я войду? – и услышав ответ, дядя Роберт протиснулся в приоткрытую дверь.

– Я заслонку приоткрою. Не дай Бог угар пойдёт, – сказал он, присев у печки.

– А вы чего не ложитесь? Рыбаки уже вернулись ни с чем. Сейчас чаем их напою и пусть укладываются. Да и вы ложитесь, а то так и утро встретите.

– Мы сейчас, – одновременно сказали вслед уходящему хозяину влюблённые и засмеялись.

А тем временем, попив чаю, горе-рыбаки тоже решили устроить себе отбой. Роберт Николаевич предлагал всем разместиться в доме:

– Места всем хватит. Расположимся уж как-нибудь.

– А у вас баня есть? – вдруг спросил художник. – Я бы в ней и переночевал. Один люблю, понимаете. Да и вам свободнее будет.

Дядя Роберт удивился, но возражать не стал.

– Ну, пожалуйста. Сейчас матрас и подушку дам и провожу.

– А вы-то, – обратился он к батюшке с водителем, – надеюсь, в теплицу не попроситесь?

– Что вы, – поспешил успокоить его отец Андрей.

– Мы в автобус. Там у нас и спальные имеются, не замёрзнем. Нам не впервой.

22

– Ну, вы даёте! У нас и так не тесно. На втором этаже места достаточно. Не чудите, оставайтесь, – растерялся хозяин.

– Нет-нет. Спасибо. Мы всё-таки в автобусе.

– Ну, как знаете. Но, если всё-таки замёрзнете, в дом идите.

На том и порешили. И вскоре дача погрузилась в тишину ночи. Все спали.

Глава 3

В Знаменском монастыре

Над дачным кооперативом «Хвойный» разнеслось неизвестно откуда взявшееся одинокое «ку-каре-ку!» Азалия Фёдоровна встала ранёхонько, с первыми лучами солнца. Ягодные кусты отбрасывали длинные тени на деревянные настилы, ведущие к теплице и парнику. Нарвав помидоров и огурцов, тётя Аза вернулась в дом. Все ещё спали. Хозяйка принялась колдовать на кухне. Надо попотчевать гостей напоследок, дорога у них не близкая, ещё наголодаются. Бросив чищеную картошку в воду, Азалия Фёдоровна принялась жарить рыбу...

Роберт Николаевич, не открывая глаз, пошевелил носом. Аромат жареной рыбы назойливой мухой лез в ноздри и мешал спать.

– Эх-хэ-хэ! Старею, – вслух подумал он и сел на кровати. – Солнце взошло давно, а мне бы поспать. Старею.

Однако, посмотрев в зеркало, довольно хмыкнул:

– Хотя...

Надев трико и рубашку, хозяин ещё довольно бодро сбежал по лестнице на первый этаж. Караси золотисто-коричневой стайкой плавали в масле на сковороде. Картошка пузырилась кипятком в кастрюле. Азалия, ловко шинкуя огурцы и помидоры, обратилась к мужу:

– Пора бы гостей будить, завтрак почти готов.

– Сейчас. На двор сбегаю и разбужу, – ответил он.

Роберт Николаевич любил утро на даче. Любил пробежаться босиком по прохладной траве и ещё не нагретому солнцем деревянному настилу в дальний конец дачи. Любил он на обратном пути сорвать и бросить в рот несколько ягодок, обильно растущих вокруг. А особенно приятно было, отфыркиваясь и покряхтывая, обливаться холодной водой из-под умывальника. Вот и теперь Роберт Николаевич, прижав языком ягодку боярки к небу, настраивался на предстоящие водные процедуры.

– Доброе утро, – раздалось почти возле уха.

Вздрогнув от неожиданности, хозяин почувствовал во рту кисленький привкус лопнувшей ягоды и обернулся. Обхватив себя руками за плечи, от бани в направлении туалета спешил художник.

– Доброе, конечно же. Подходите, завтрак ждёт. А я пойду других будить, – оправившись от неожиданности, крикнул дядя Роберт вслед удаляющемуся Сергею.

– Фу-ты ну-ты! Сам же вчера его сюда пристроил. А вот взял и забыл. Точно, старею...

Тётя Аза подошла к холодильнику и достала большую тарелку со своей фирменной холодной закуской «Горбуша под маринадом», приготовленной ещё вчера, и дождавшейся своего триумфа. Протиснувшись между мужем и лестницей, она поставила этот кулинарный шедевр на стол, и глаза её смеялись: «Что, не ждали?» Опустевшие было тарелки немедленно наполнились снова. Это было действительно вкусно! И хозяйку тотчас же осыпали комплиментами.

– Да! Хозяйка она у меня что надо, – воодушевлённо поддержал присутствующих дядя Роберт. – Всё на ней. Я-то что? У меня всю жизнь работа на первом месте, да по мужицкой части, что требуется, в основном строительство. А уют да порядок – это супруга, прошу любить и жаловать.

Азалия Фёдоровна, смущаясь, переводила разговор в другое русло. Впрочем, говорили о разном и много. Даже души и Бога коснулись. Так, за разговорами, завтрак и закончился. Батюшка встал, поблагодарил Господа и хозяев, сказав:

– Благостно у вас, Роберт Николаевич и Азалия Фёдоровна. И люди вы добрые. Но странников постой не долог, пора нам. Извините, если что не так, ради Бога.

Все засобирались. Вслед за вещами в автобус загрузили поэта. Остальные прощались на улице с гостеприимным домом и заодно ждали не очень-то торопящуюся Лиду. А Лида с фотоаппаратом в руках бегала по дому, стараясь запечатлеть каждый его уголок на память.

Отец Андрей с подобающим ему смирением ждал, заодно обдумывая дальнейшие планы на грядущий день. Когда в окне второго этажа появились Роберт Николаевич и Лида, приветственно машущие всем рукой, батюшка лишь пошутил:

– Ты хорошо там смотришься, Лида. Оставайся.

Лида нарочито испугалась крикнув:

– Нет, нет, не бросайте меня!

И через пару минут она уже была внизу. Ещё раз попрощавшись с гостеприимными хозяевами, путешественники расселись по местам и поехали дальше...

Будто совсем недавно дядя Роберт и тётя Аза махали руками вслед уезжающим от них друзьям, а вот уже и центр областной показался. Батюшка обратился к друзьям-попутчикам:

– Ну что, братья, – посмотрев на Лиду, он добавил, – и сестры. Я вот что думаю. Неплохо было бы посетить храм Божий, молитвою души порадовать.

Все, конечно, согласились со словами отца Андрея. Согласились с радостью. Узникам подобно ведь жили. Душа-то русская, она в атеизме, как в казематах, маялась. А волю дали – душа сама к Богу

рванулась и задышала верою. Вот и радовались наши путешественники любому случаю в обитель Божию войти, помолиться, с Богом поговорить. И часто бывало, что молитвенниками истинными-то атеисты бывшие становились – намаялись бедолаги во лжи и безверии.

Как-то так получилось, что среди всех храмов иркутских друзья полюбили Знаменский женский монастырь. И как в область вырывались, туда в первую очередь шли помолиться да к мощам святителя Иннокентия Иркутского (Кульчицкого) приложиться.

А у Сергея-художника о ту пору как раз дочка в тамошних университетах училась. Девочкой она уже большенькой была и умницей-разумницей. Не сговариваясь, решили Мирославу с собой на целый день взять. И отцу радость, да и дочери с родителем когда-никогда побыть не без пользы будет. Созвонились с ней и, порадовав хорошим известием, подъехали к месту её тогдашнего жительства. Дочка у Сергея была девицей приятной во всех отношениях, грамотной, интеллигентной и симпатичной.

– И в кого только удалась? – неизвестно к кому обращался художник.

И продолжал удивляться:

– Три высших образования! Нет, ну в кого?

Кто-то обязательно попадался и начинал доказывать ему, что гены пальцем не сотрёшь, что он и сам очень начитан и грамотен. Художник открещивался, но для приличия смущённо хмыкал.

Мирослава, одевшись в тон отцу – в чёрное, повязав косынку на голову, подошла к автобусу и поздоровалась. Обнявшись с отцом, она впорхнула в салон.

К монастырю подъехали ближе к полудню. День был будний, народу было не так много. Только нищие исправно несли вахту у въезда на территорию. Батюшка с водителем вышли, чтобы найти охранника и открыть шлагбаум. Лида чуть распахнула дверь, чем не преминула воспользоваться пожилая нищенка:

– Деточка! Не поскупись, подай, что в силах, бабушке. Боженька воздаст тебе, – протянула она к ней ссохшуюся, дрожащую руку.

– Конечно, конечно, – будто оправдываясь за свою недогадливость, сказала Лида, вытаскивая из сумочки первую попавшуюся купюру.

– Спасибо, милая, – быстро спрятала деньги старуха. – Пусть дорога ваша гладкой будет. Только вы поторопитесь.

– А куда торопиться? Не опаздываем никуда, да и опаздывать некуда, – удивилась Юркина жена.

– Куда, куда! Да куда едете, – сверкнула бабушка глазами и тут же улыбнулась, добавив: – Мало ли, вон дождик в тучку склеивается.

Лида поглядела вверх, но ничего не увидела, небо было абсолютно безоблачным. Она хотела сказать нищенке, что та ошибается, но той и след простыл, будто и не было никогда.

Скоро вернулись отец Андрей с Сергеем и охранником. Проехав под шлагбаум, остановились

недалеко от входа в храм. Погода, по-летнему тёплая, ласкала вышедших из автобуса. Юрку усадили в коляску и все вместе направились в монастырские залы.

– Как всё меняется, – сказал поэт, увидев новенький пандус для колясочников, ведущий на монастырское крыльцо. – В прошлый раз его здесь не было.

– Прошлый раз был пять лет назад, – заметил батюшка.

– Да? А будто вчера. Ещё гуслир живой был. Помните, как он нам играл?

Отец Андрей вздохнул:

– Помню. Упокой, Господи, душу раба твоего, гуслира Андрея Байкальца.

Батюшка перекрестился и завёз Юрку вовнутрь, подойдя с ним к мощам святителя Иннокентия. Рака с мощами была закрыта. Лишь по воскресеньям и праздникам открывают её, дабы могли верующие приложиться непосредственно к мощам святителя. И являет она собой величественное зрелище. Небольшой короб в позолоте, сверкающей от лучей света, проникающих в окна, стоит под золоченым куполом на четырёх золотых же столбах. Мощи святителя лежат под стеклом, на откинутой крышке раки нарисован образ Иннокентия Иркутского. Сверху, со стены, смиренно взирают лики святых. Перекрестившись, отец Андрей принялся читать акафист...

Радость наполнила всех. Каждый, пока батюшка читал, попросил Иннокентия о самом необходимом для себя и теперь был уверен, что святитель обязательно поможет, подскажет, направит. Юрка дотянулся рукой до святой позолоты и приложил пальцы к губам. Остальные крестились и целовали ковры у раки и стекло, скрывающее мощи.

– Пап, – взяв за руку отца, сказала Мирослава, – иконы ярче стали. Правда? А вообще здорово, что ты приехал.

– Солнце просто выше поднялось, вот и бликует, – внёс Сергей-художник немного реализма.

Потом, сжав руку дочери, добавил тихо: – А я ведь тоже, того. Рад очень.

Так они и ходили, держась за руки.

– Всё-таки она у меня, как девчонка совсем, – думал Юрка-поэт, глядя на входящую с улицы (друзьям разрешили фотографировать в храме, и Лида ходила за фотоаппаратом, оставленным в автобусе) жену.

А она и вправду выглядела девчонкой – хрупкая, стройная, просто не ко времени повзрослевшая.

Друзья ходили по храму, с каждым шагом открывая что-то новое для себя. Лида передвигалась от образа к образу, задерживаясь у каждого и о чём-то разговаривая с ними. О чём, услышать было невозможно. И лишь однажды, стоя перед ликом Николая-чудотворца, она сказала чуть громче: «Помоги ему...» Но смутившись, тут же двинулась дальше и перешла уже на совсем негромкий шёпот. Художник с дочкой увлечённо рассматривали товары в церковной лавке. Вдруг Мирослава остановилась,

будто увидела то, что долго искала. Заплатив за покупку, она взяла небольшую иконку Святого Луки и положила её в сумочку. Отец Андрей с поэтом и водителем присоединились к группе туристов и слушали монастырского батюшку, рассказывавшего об истории монастыря:

– До сих пор в монастыре находится золотое Евангелие, пожалованное Петром Первым, – раздавался грудной голос...

Но вскоре все друзья сошлись вместе и, перекрестившись, с поклоном вышли на улицу. Пора было продолжать путь.

Глава 4 Тальцы

Солнце ещё не миновало зенит, когда путешественники вышли из монастырского храма во двор. Косые тени от деревьев предательски стремились на запад. Впрочем, совсем скоро они передумают и повернут на восток. Восток испокон веков был интереснее для русской Сибири. Ведь то, что для центральной части России являлось далёким западом, здесь было не так уж и далеко, только на востоке. И многие мужи российские стремились достичь американских земель, идя на восход солнца. У памятника одному из них, Григорию Ивановичу Шелихову, создателю Русско-Американской торговой компании, похороненному на монастырской территории, остановились наши герои. Запечатлевшись рядом с ним, через Святые ворота все пятеро пошли к ещё одному памятнику – великому исследователю и полководцу Александру Васильевичу Колчаку. Прямо от ворот к мемориалу вела дорога, выложенная красной плиткой. На высоком постаменте высилась статуя великого адмирала. У подножия были возложены венки.

– Странно, – сказал Юрка. – Почему красногвардеец и белый воин на постаменте изображены вместе, будто на страже Колчака стоят?

– Смерть равняет всех, – словно заранее услышав вопрос, тут же нашёлся отец Андрей.

Сфотографировавшись у памятника герою, повернув лица к монастырю и перекрестившись с поклоном, путники направились к автобусу.

Перед выездом из города решили заглянуть на рынок. Время близилось к обеду, а животы, как казалось, прилипли к спине. Необходимо было и о хлебе насущном подумать...

Копчёная скумбрия нырнула в пакет, ткнувшись жирным носом в его целлофановое дно, и замерла. Сгробастав широкой ладонью две толстые рыбины, отец Андрей сунул их в сумку, между двух белых хлебных батонов, и, расплатившись, сжал её ручки. Вопрос с обедом был решён. Батюшка думал о дальнейшем маршруте. В Листвянку лучше приехать ближе к вечеру, перед последним паромом. Если не получится остановиться на ночлег у отца Анатолия,

сразу и переправиться на левый берег. А там, на горе, и дом, недалеко от строящегося храма. С отцом Анатолием – основателем храма, где служил отец Андрей, – они были давние знакомцы. Службу после семинарии у него начинал. А потом и настоятельство перенял. Душевным человеком и истинным слугой Божиим был тот. И храм выстроил от фундамента до маковки, и прихожан воедино собрал да приветил. До сих пор вспоминают его тёплым словом да молитвой. Ныне отец Анатолий в Центральной России служит, а на Байкал почти ежегодно приезжает и, почитай, всегда гостей принимает в своём доме. И пристройку сделал, чтобы друзей привечать. А и не было хозяина дома, двери для гостей не закрывались.

«А что, если в Тальцы заехать попутно?» – подумал отец Андрей и стал выглядывать Сергея, которого вскоре и заметил совсем недалеко.

– Серёжа, – окликнул батюшка водителя, искавшего его глазами в толпе.

Тот радостно вскинул руку и пошёл навстречу. Он нёс раздувшийся большой чёрный пакет.

– Вот, батюшка, – подойдя вплотную и разводя чёрные целлофановые ручки, радостно отчитался он, – спелые какие! Аж светятся.

Из пакета, радуя глаз сочными жёлтыми окружностями, выпирали две дыни. Вскоре вся эта красота вместе со священником и Сергеем уже влезала в автобус.

– Хорошие мои, – обратился батюшка к спутникам, – предлагаю посетить архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Тут совсем недалеко, на слиянии реки Тальцинки и Ангары. Там можно увидеть строения деревянного зодчества наших сибирских предков. При строительстве Усть-Илимской ГЭС «наверху» приняли решение о спасении некоторых старинных деревянных строений. С этой целью и создали в Тальцинском урочище музей. Там есть на что посмотреть.

– Поедем, конечно, – с радостью согласились все...

К «Тальцам» подъехали часа в два. Солнце перевалило зенит, но всё ещё было на высоте. Припарковавшись у входа на территорию музея, Сергей-водитель заглушил двигатель и, обойдя автобус, выгрузил инвалидную коляску. Открыв переднюю дверь, взял на руки центнер поэзии и, поднатужившись, перенёс его на персональное средство передвижения.

– Искусство, на руки беря, ты жизнь свою живёшь не зря, – успокоил Юрка то ли его, то ли себя.

– А то! – ответил Сергей и повёз коляску. Остальные вышагивали уже впереди. Спустившись по наклонной дороге, друзья попали в сказку! Впереди, насколько хватало взора, высились деревянные постройки. Бревенчатые избы волостного села справа, частокол Илимского острога слева, Казанская часовня впереди будто переносили пришедших на века назад. И это было лишь фасадом музея. Экскурсия началась. Спустившись в волостное село, зашли в крестьянское

подворье. В глаза сразу бросилось деревянное разноцветье. Доски, которыми был застелен двор, выгорели под солнцем и, вычищенные заботливыми руками хозяйки, встречали гостей белизной с лёгким оттенком серости. Ограда и крыльцо переливались чёрным, тёмно-коричневым, светло-коричневым и ярко-жёлтым. Брёвна самой избы были бурыми, а тес крыши – просто серым. Вокруг не было ни души, а в углу двора стоял стол.

– А не вкусить ли нам даров Божьих, – вдруг предложил батюшка, – прямо здесь? Кажется, мы никому тут не помешаем.

– Да и нам перекусить не мешает, – поддержал поэт.

Все направились к большому столу. Вдруг ворота затряслись!

– Эй! Кто есть живой, отворяй ворота! – забасили с улицы.

И тут, прямо из избы, выскочили две бабы в нарядных сарафанах, подбежали к воротам и затараторили:

– Это кто там стучит, аж калитка трещит? А ну, люди добрые, мимо проходите, потому как мы-то вас и не знаем. А ждём мы молодого князя да со княгинюшкой, да со всем честным поездом. А вас мы не знаем.

Из-за ворот ответили:

– Эх, сватья, сватья! Да, видать, ты с недосыпу или с перепугу чего перепутала. Это ж мы и есть, свадебный поезд. Отворяй ворота!

Одна из баб подсказала:

– А ты слово скажи заветное, может, тогда и открою.

И снова в ответ забасили:

– Извиняйте, запаматовал. Это я – дружка, лёгкая ножка. Одну ножку поставил на порог, другую еле переволок. Ножкой топнул, дверью хлопнул, половицы гнутся, хозяева к печке жмутся. А я не один. А со мной ещё молодой князь да со княгинею. А молодой князь кланяться велел...

Ещё не дослушав до конца ответную речь, бабы распахнули ворота, в которые дружную гурьбою вслед за дружкой вошли молодые и приглашённые. Погударив во дворе, свадебный поезд вместе с оператором и кинокамерой вошел в дом.

Друзей, стоявших в углу двора, никто и не видел, или притворились, что не видели. На всякий случай они поспешили покинуть подворье.

– Свадьба скоморошья, – сердито сказал художник, – откуда тут взялась? И перекусить не вышло.

– А мне понравилось, – улыбнулась Лида.

– Ещё бы, – поддержал её Юрка, – сами недавно из-за свадебного стола вышли.

– Не надо про стол, – попросил Сергей-водитель.

– Ничего, – успокоил всех батюшка. – Пройдём дальше. И музей осмотрим, и место для вкушения найдём.

Так и сделали. Поднявшись наверх из волостного села, подошли к частоколу Илимского острога. Хотя

день был и будним, посетители присутствовали. Туристы и отпускники медленно прогуливались между деревянными постройками. Несколько человек стояли у ворот Спасской башни. Наши герои заходить в острог не стали, но сфотографировались на его фоне. Пройдя Казанскую часовню и церковно-приходскую школу, они попали в деревню-малодворку. Напротив неё располагался магазинчик сувениров и торговые навесы, под которыми местные мастера продавали изделия рук своих. И чего тут только ни было! И разная деревянная посуда, и матрёшки красоты неопишуемой, в нарядах цветастых, позолотою каймленных. Меж ложек деревянных – бусики из камней полудрагоценных да жемчугов речных. А рядом туеса, бутылки берестяные, узорами дивными резаны, руками мастеровыми люблены. Браслеты, фигурки, серьги да броши для девичьей ноши. Сергей-водитель с Юркой быстрее других прошли вдоль торговых рядов, осмотрев всю эту красоту, и остановились у последнего прилавка, ожидая остальных. Юрка уже не из любопытства, а скорее, по привычке, начал разглядывать последние товары. И вдруг задержал взгляд на необыкновенном туеске. Это был термос – круглый, берестяной, с плотно подогнанной крышкой. Береста была изрезана искусным орнаментом. Но не это привлекло Юркино внимание. На крышке туеска красовалась надпись «Туесок супружеский». А сбоку выведено:

Туесок-термосок.

И в жару и в стужу,

И жене, и мужу

Очень даже нужен.

Ну и как можно было не купить такую прелесть? Тем более в свадебном путешествии. Да и цена была вполне скромная.

– Тысяча, – ответила сухонькая продавщица неопределённого возраста на Юркин вопрос о стоимости туеска. – Берите. Не пожалеете. В нём и в жару вода не слетится и щи в зиму не остынут. И молодке вашей подарочек по душе будет. Берите, берите!

– Лида, – окликнул поэт свою музу. – Лида, дай, пожалуйста, тысячу. Я тут такую вещицу присмотрел, – обнял он подошедшую жену, указывая на туесок.

– Юра! Прости, я сумочку с кошельком в автобусе забыла, – смутилась Лида. – Прости растяпу! – и, рассмотрев туесок, добавила. – Я сейчас за сумочкой вернусь.

– Что вы, что вы? – вдруг заволновалась продавщица. – Мне уже совсем некогда. Мне спешить надо. Меня ждут.

Она стала собирать товар в большой рюкзак.

– Жаль! – расстроился Юрка.

– А вы так забирайте, – протянула она туесок. – Вы, я думаю, совсем недавно венчались. Берите! Это мой вам подарок. А мне некогда. Да и вам поспешать надо! Вы такая красивая пара!

– Спасибо большое! – растроганно прошептал поэт, принимая из рук женщины подарок...

Спустившись от торговых рядов, друзья-путешественники попали в деревню-малодворку. Около деревянного забора стояла лошадь, запряжённая в телегу. Рядом был привязан мерин под седлом. Но это было естественно для русской деревни. А вот белый двугорбый верблюд, или бактриан, смотрелся здесь как-то странно. Он, наверное, и сам это понимал и поэтому лежал неподвижно в тени избы. Лида стала его фотографировать, а Юрка попытался влезть в кадр. Такой наглости бактриан не стерпел и, проревев что-то, хотел уже проучить невежу, но вдруг замер.

– Стоять, Васька! – раздался женский голос.

К верблюду подбежала щедрая продавщица с рюкзаком за спиной и взгромоздилась между двух горбов. Тот сразу прижал уши и встал.

– Некогда нам, Васенька, – сказала ласково женщина. – Пошли домой.

Васька послушно пошёл к выходу из музея. Продавщица обернулась и крикнула друзьям:

– Вы бы тоже поторопились! Нельзя опаздывать!

Сверкнув глазами, она отвернулась и стала удаляться.

– Чего это она? – удивились все и пошли дальше.

А вскоре увидели странный двухэтажный дом с надписью «Охрана». Первый этаж был срублен из свежих брёвен, а на них поставили избу старую, потемневшую от пережитых лет. Из дверей как раз вышел охранник в форменной одежде.

– Будьте добры! – окликнул его батюшка. – Подскажите нам, где здесь перекусить можно?

– Гостиный двор у нас сегодня выходной, кухня посему тоже не работает, – ответил охранник.

– Да нет, у нас своё. Присесть бы где? – объяснил отец Андрей.

– А. Там, – махнул рукой тот в сторону Ангары, – найдёте, где присесть.

Пройдя бурятский деревянный улус, путешественники действительно наткнулись на небольшой стол под навесом, прикорнувший у русской печи, стоящей под открытым небом. Сначала полакомились копченой скумбрией, жирной и мягкой. Утерев лицо и руки, принялись за дыни. Солнце опустилось на стол и сладкими светящимися дольками ласкало взгляд. Сок, стекая с губ и пальцев, капал на траву. Дольки на глазах исчезали. Но солнышко по-прежнему ярко светило в небе. И, насытившись, друзья блаженно глядели на него, до блескующей в его лучах Ангару, на деревянную красоту древнего зодчества, на Тальцы!

Глава 5

Листвянка

– Серёга, – обернулся поэт к художнику, – гляди-ка, памятник тебе поставили, – и кивнул в сторону памятного камня, белеющего на крутом берегу у истока Ангары.

– Чудак ты, боцман! И шутки у тебя чудачские, – словами из анекдота ответил тот.

– Это Вампилову памятник. Он недалеко отсюда утонул.

– Памятник-то Александру Валентиновичу, знаю. А ты на портрет посмотри, – настаивал Юрка на своём, а затем попросил отца Андрея: – Батюшка, давайте к великому нашему земляку-драматургу заедем.

Автобус притормозил. Даже не выходя из него, можно было прекрасно разглядеть и красивый камень белого мрамора, и портрет писателя. Сергей всё-таки вышел, прошёл в оградку и сел на лавку, стоящую прямо напротив изображения Вампилова. И с портрета на памятнике тот глядел на художника. Поразительное сходство создавало эффект отражения. Сергей будто в зеркало смотрел.

Это портретное сходство признали и остальные, подошедшие к памятнику. А поэт довольно ухмылялся в автобусе.

– Ну что лыбу давишь? Ты не первый, кто это подметил. Да я и сам это знаю, – ехидно бросил художник Юрке, усаживаясь в автобус.

– Подумаешь, похож! Ты вон тоже на Черчилля похож. Так что, у тебя по всему миру памятники?

– Я, когда в коляске, ещё и на Рузвельта смахиваю, – нашёлся Юрка.

– Да и вообще, все мы, человеки, похожи друг на друга, как вот эти лиственницы вокруг нас.

А вокруг, и правда, высокими стражами стояли знаменитые сибирские лиственницы. В их честь и назвали посёлок, в который въезжали друзья.

– Вот мы и в Листвянке, – проговорил батюшка.

– Давай, Серёжа, – обратился он к водителю, – к отцу Анатолию.

Дорога спустилась к Байкалу. От озера, искрящегося справа под лучами опускающегося солнца, её отделял лишь пешеходный тротуар, поддерживаемый вцепившимися в узкие кусочки берега фонарными столбами. По тротуару не спеша прогуливались туристы разных национальностей и конфессий. Если кто и спешил, то наверняка был местным, либо торговцем, либо работником сервиса, созданного для тех же туристов. Слева от дороги, буквально у подножия горы, ютились дома разных размеров и расцветок.

– Красота какая! – восхитилась Лида архитектуре розового замка, расположившегося прямо на въезде в посёлок.

Да, именно замок увиделся ей. Невысокая «крепостная стена» светло-розового цвета окружала несколько башенок с флигелями и мансардами под острыми крышами, покрытыми красной черепицей.

– Вот бы пожить здесь, – вслух помечтала она.

– Пожить неплохо, но, думаю, дорого, – заметил батюшка. – Впрочем, здесь сейчас везде дорого. Туристический центр! Одна надежда – на батюшку Анатолия.

Проехав ещё некоторое расстояние, автобус притормозил у бревенчатого дома, своими задними

постройками влезавшего на гору.

Юрка сразу вспомнил его. Пять лет уже прошло, а как будто вчера они с батюшкой сидели во дворе под навесом и слушали гуслея. Андрей Байкалец был в ударе и игрой своей рвал души. Он дарил себя им без остатка, будто прощаясь. Струны и пели, и плакали под его пальцами, и порой вскрикивали, словно от боли. Вспомнилось и о прогулке на теплоходе по Байкалу, и как, пытаясь разогнать коляску на подъём, батюшка угодил её передним колесом в рытвину. Благо Юрке не впервой было экстремально катапультироваться, и он только улыбался, опираясь о землю. А ночью, в полоске света на потолке, поэт видел вереницу огромных клопов, ползущих у него прямо над головой. Хорошо, Виктор, смотрящий за домом в отсутствие отца Анатолия, объяснил, что это божьи коровки. Воспоминания мгновением пронесли в голове.

Батюшка зашёл во двор и узнал, что отец Анатолий сейчас отсутствует по делам и будет только к вечеру. Выйдя обратно, он сказал об этом друзьям и предложил пока прокатиться по Листвянке и заехать на рынок сувениров и рыбы.

– Может, за лавашом попутно заскочим, – предложил Сергей-водитель, – тут недалеко. Семья одна, то ли армяне, то ли грузины, дома лаваш пекут. Очень вкусно...

Пять горячих лепёшек с хрустящими коричневыми пузырями перекочевали через забор из рук Армена, сына хозяйки, прямо в ладони Сергея. Перекладывая обжигающую стопку из руки в руку, он подошёл к автобусу. Один лаваш немедленно был разломан и съеден.

– А давайте заедем в картинную галерею, м-м, – пережёвывая хлеб, сказал художник, – Пламеневского Володи. М-м. Он сам неплохой художник и поэт. Там картины, посвящённые Байкалу, и изделия народного творчества. У него в галерее любому художнику всегда уют найдётся. Я и сам, было дело, останавливался.

Вся Листвянка тянется вдоль озера Байкал километров пять. Но галерея расположилась в небольшой котловине, врезавшейся в гору. В это урочище вела грунтовая дорога, стиснутая с обеих сторон всевозможными домиками и домами. Подавляющее большинство из них, судя по современной архитектуре, подогнанной к современным веяниям, появилось совсем недавно. Скорее всего, многие из них создавались на потребу туризму, процветающему здесь. Метров через пятьсот езды по колдобинам грунтовки автобус с пассажирами припал на передние колёса и остановился...

– Не хотишь ли водицы, девица?

Мира подняла глаза и увидела у колодца, что притулился к тротуару, улыбающегося мужчину, протягивающего ей деревянную кружку. Её вовсе не мучила жажда. Но увидев в кружке колодезную воду, она на расстоянии почувствовала приятную ломоту в зубах и обжигающую рот студённость. Поэт с женой

остались в автобусе, а папа с батюшкой и водителем опередили её и уже подходили к галерее. Мирослава задержалась, спускаясь по крутым ступеням. Девушка с благодарностью взяла кружку и посмотрела на мужчину. Тёмно-русые густые волосы его заметно тронула седина. Да и окладистая короткая борода была наполовину седой. На первый взгляд, было ему около шестидесяти. Но ярко-красная косоворотка и добрые глаза скрадывали года.

Колодец, у которого он стоял, был замечательным. Столбы, державшие колодезный ворот и навес, украшались резаной спиралью. Тесовая стреха также венчалась резьбой.

– Спасибо, – сказала Мира, пригубив из кружки.

– Да за что? Воды в колодце хватает, – улыбнулся мужчина ещё шире, и глаза его по-доброму заискрились.

– Я гляжу, туристы подъехали. Может, издали, устали? Если остановиться хотите, так у нас лучше всего. И искусство рядом, и уютно. И недорого совсем. Ну, как?

– Да я не знаю, – смутилась почему-то Мирослава.

– Мне вечером в Иркутск возвращаться нужно. А остальным есть где переночевать.

– А завтра? – почему-то напрягся добряк.

– А завтра? – удивилась девушка. – Завтра они на тот берег собирались, в Порт Байкал.

– А! Вот значит как! – снова расслабился мужчина. – Счастливого вам пути. Не смею задерживать.

Мужчина взял кружку из рук Миры и очаровательно улыбнулся, сверкнув глазами.

Девушка быстрым шагом направилась к своим спутникам. Те уже находились около строения, состоящего из нескольких деревянных шалашей. Островерхие крыши под красной черепицей выглядели довольно симпатично.

– Закрыто. Нет никого, – сказал художник подошедшей дочери. – А ты где задержалась?

Мира проговорила задумчиво:

– Меня у колодца какой-то мужчина водой колодезной угостил.

– У какого колодца, какой мужчина? Зачем здесь колодец? Здесь водопровод! Ну ладно, пошли обратно. Видно, сегодня не судьба в галерею попасть.

– Кстати! Не тот ли это колодец, – указал он на резной сруб, – из которого тебя водой угостили?

– Тот, – подтвердила Мирослава.

– Так это же выставочный экспонат, – подошёл отец к колодезному срубам, поставленному на кирпичи, лежащие прямо на траве.

– Хотя вода тут, как оказывается, в наличии, – открывая крышку бака с водой, стоящего непосредственно в срубам, добавил он.

Все улыбнулись и пошли к автобусу.

– А теперь на рынок сувениров и рыбы. Надеюсь, там не закрыто, как здесь, – определил отец Андрей дальнейшие действия.

– Ну, кто знал, что хозяин в отъезде, – начал оправдываться художник, хотя никто его ни в чём не

винил.

– Кстати, дочь бы надо на остановку отвезти. Ей в Иркутске надо быть до одиннадцати – хозяйка строгая.

– Не волнуйтесь, – успокоил батюшка Сергея с Мирославой, – всё будет хорошо. Сейчас на рынок, и сразу на остановку Миру добросим.

– Поехали, – тронул он водителя за плечо...

У главной пристани Листвянки – скопления катеров и людей. Так здесь было не всегда. Но с тех пор как посёлок у Байкала стал туристической Меккой, как грибы после дождя стали расти гостиницы и отели, и даже в частных домах ждали иностранных инвесторов, вырос и рынок. Как известно, спрос рождает предложение. Вот и встали между пристанью и гостиницей «Маяк» ряды всевозможных сувенирных товаров, а за ними, просвечиваемый солнцем, на верёвочках-шпагатах висел омуль холодного копчения. Тут же продавали его же, но уже копчения горячего. Везде, где было хоть чуть-чуть места для парковки, грели свои полированные бока под вечерним солнцем престижные и не очень иномарки. Белый микроавтобус всё-таки нашёл немного свободного места и втиснулся совсем недалеко от прилавков с сувенирами. Выгрузившись из него, путешественники оказались на территории рынка. И разбрелись кто куда. Лида толкала перед собой Юркину коляску. Он то и дело приподнимался, рассматривая выставленные товары. Сувенирные изделия и впрямь были интересными, но и неоправданно дорогими. Впрочем, раз люди покупали, значит, считали, что это того стоит. Купили и Лида с Юркой несколько безделушек в подарок родственникам и пару магнитиков на холодильник с изображением Байкала для себя. А батюшка с двумя Сергеями и Мирославой чуть дальше присматривался к товарам народного прибайкальского творчества.

– Серёжа, – вдруг обратился он к художнику, – погляди, как на тебя все продавцы смотрят.

Действительно, торговцы, мимо которых они только что прошли, начинали шушукаться между собой и кидать любопытные взгляды вслед им.

– Почему это на меня? Может, они на вас, батюшка, заглядываются, на рясу вашу. Не каждый день священники по рынку гуляют, – сообразил художник.

– Ладно, ладно – согласился отец Андрей, – пусть смотрят. А я тебе тут кое-что и сам присмотрел. Гляди, какая замечательная тубетейка! Ты же у нас татарин, тебе подойдёт. Давай я тебе её подарю.

Батюшка попросил тубетейку у продавщицы и стал примерять её на кучерявую голову Сергея. А тот всячески старался избежать этого.

– Не надо, батюшка, – мотал он головой. – Я в детстве уже наносился тубетеек. В школе надо мной смеялись, а то и поколачивали. Да и не к лицу она мне.

– А по мне, очень даже к лицу, – не соглашался отец Андрей. – Впрочем, хозяин – барин.

Он вернул тубетейку продавщице. А та, глядя на

Сергея, вдруг спросила:

– Извините! Вам Вампилов не родственник? Больно уж вы похожи.

– Даже не однофамилец, – ответил художник и пошёл дальше.

Батюшка задержался у прилавка и произнёс, неизвестно к кому обращаясь:

– И чего родства стесняться? Людей не обманешь. Да и зачем?

И пошёл следом за вампиловским «родственником». А женщина схватила с прилавка симпатичную игрушечную нерпу и бегом догнала загадочного покупателя.

– Возьмите, пожалуйста, – протянула она нерпу художнику, – на память. Вы всё-таки так удивительно похожи!

Сергей улыбнулся. Он хотел что-то сказать, но получилось сказать только «спасибо».

А батюшка уже примерял на Миру тапочки с загнутыми носами и этническим узором. Удовлетворённо хмыкнув, он купил их и подарил девушке. Не Сергею, так доченьке его, подумал отец Андрей...

Подъехав к остановке, все вместе вышли провожать Мирославу.

– Это тебе, папа, – протянула она отцу иконку Святого Луки. – Лука – покровитель всех художников.

Сергей прижал голову дочери к груди:

– Спасибо, родная! Дай Бог тебе счастья!

Он смотрел вслед уезжающей маршрутке, пока та не скрылась из виду.

Когда друзья снова подъехали к дому отца Анатолия, сумерки стали сгущаться. Хозяин был уже дома и радушно встретил гостей. Благословив всех приехавших, он стал определять их на ночлег, так как время было уже позднее.

Сергей-водитель, взвалив «весомую» поэзию себе на спину, поднялся по металлической лестнице на второй этаж. Там находилась гостевая комната со всеми полагающимися удобствами – санузлом и душем. Уже стемнело, и в помещении было зябко. Но, включив две тепловые пушки, довольно скоро добились приемлемого теплового баланса. Вскоре дочь отца Анатолия принесла гостям ужин и свежее постельное бельё. Пожелав всем спокойной ночи, она ушла.

Поужинав, решили отходить ко сну. Выбрав себе койки и приняв душ, начали устраиваться.

Художник снова пожелал спать один и пошёл в автобус. Застегнув спальный мешок, он прикрыл глаза и стал вспоминать прошедший день. Батюшка уронил голову на руку и крепко спал. Серёга-водитель видел во сне свою ребятню и, наверное, поэтому улыбался. И только молодожёны ещё не спали. Вернее, Юрка притворялся спящим, из-под прищуренных глаз наблюдая за Лидой. А когда она стала вытаскивать из сумочки свою косметику, сказал ехидно:

– Положи на место.

И оба прыснули от смеха.

Глава 6 Баба-Яга

Первые лучи солнца взобрались на сопки и теперь сбегали вниз по их заросшим склонам. И там, где их босые пяточки касались травы, искорками вспыхивала утренняя роса. Стукнувшись солнечными носиками в белый микроавтобус, стоящий во дворе дома у подножия горы, любопытные лучи, подпрыгивая, начали заглядывать в его окна...

Художник, хитро прищурившись, подглядывал за суетой утреннего света на автобусных окнах. Спать не хотелось, и он, расстегнув молнию на спальнике, вылез из него, как медведь из берлоги. Открыв двери и выйдя на улицу, Сергей попрыгал на месте и пару раз развёл руки в стороны.

– Бр-р! Не жарко, – скривился он. – Пойду к остальным, погрееусь.

Закрыв автобус, художник засеменил к металлической лестнице, ведущей к гостевому помещению. Внутри комнаты было почти жарко. Все ещё спали, только водитель лежал с открытыми глазами и улыбался ему.

– Что, не спится? – спросил он.

– Ага, не спится, – подтвердил художник.

– Утро такое хорошее! Солнечное утро, свежее, в смысле, свежо на улице. Вот и спать не хочется. А ты не в курсе дальнейших наших планов?

Водитель сел, свесив ноги с кровати, и пожал плечами:

– Это у батюшки спрашивать надо, а он, как видишь, спит ещё.

Батюшка действительно лежал на спине и мерно дышал. Седая борода его вздымалась и падала в такт дыханию. «Молодые» тоже глаз ещё не открывали, вчера поздно утомонились. Художник с явным неудовольствием вышел.

Сергей-водитель, улыбаясь, встал с кровати. В голове ещё звучал голосок младшего. Сегодня снова снилась семья. Сколько они с его Олюшкой уже вместе! И деток одиннадцать сладили. А всё вот скучается в разлуке, всё неможется. Да что поделатъ, работа у него такая. Много лет уже как при церкви подвизался. Пришёл к отцу Андрею, когда мир вокруг перевернулся и землю из-под ног выбило. Да так и остался. Батюшка предложил ему поработать церковным водителем:

– Ты, Сергей, в суете погряз, – сказал он. – Послужишь делу Божьему, проживёшь при храме, Бог и поможет, и подскажет, и на стезю направит. Оставайся.

Сергей и остался. Водителем он был неплохим, да и технику любил. Первое время жил вместе с такими же братьями при храме. Забот хватало, и суетиться зря времени не было. И не заметил, как мир вернулся в исходное своё положение, а жизнь снова приобрела смысл. А потом он и Олю встретил, душу родную,

тоже на тот момент неприкайнную...

Умывшись, Сергей взял кружку со стола и выбежал на улицу. С батюшкой они здесь далеко не первый раз, и для него стало доброй традицией по утрам бегать с кружкой к озеру. Вот и сегодня водитель не изменил ей. Перебегая через дорогу, отделяющую Байкал от Листвянки, он увидел художника, идущего по набережной с видом озябшего зяблика. Узнав, что Сергей спешит испить воды из озера и омыть лицо, тот только поёжился и сунул руки под мышки, выражая своё неприятие таких глупостей.

– Хозяин, он, конечно, и барин, – вслух заключил Сергей и, взявшись правой рукой за металлический прут перил, осторожно стал спускаться по железным ступенькам к озеру.

Лесенка ныряла прямо в Байкал. Примостившись на последней надводной ступени, он опустил руку в воду, сразу же почувствовав восхитительный ожог, и отдёргнул её. Собравшись с духом, водитель зачерпнул Байкал в ладони и окунул в него лицо. Изумительная свежесть влилась под кожу и потекла вниз, прозрачными струйками падая с русой бороды на грудь. Осторожно, стараясь подольше сохранить восторг внутри себя, Сергей взял стоявшую рядом кружку и зачерпнул немного озёрной воды. Пить сразу не стал. Сначала коснулся её верхней губой, пытаюсь так хоть чуть-чуть согреть воду температурой тела. Потом стал пить мелкими глотками. Действительно, зубы почти не ломило. Утренний Байкал был удивительно вкусен. Набрал теперь уже полную кружку, водитель поднялся обратно на тротуар набережной.

– Пошли будить всех, – сказал он художнику, внимательно изучавшему окрестности, видимо, с целью написать их потом по памяти.

– Пошли, конечно, – охотно откликнулся тот. – Сколько можно дрыхнуть уже?

Юрка открыл глаза и скосил их направо. Лиды не было. Одеядло сиротливо прижалось к простыне, забравшись верхним краем на пустую подушку. Встала уже, понял он, услышав журчание воды в душевой. Скинув руками ноги с кровати, поэт сел и прислонился спиной к стене. Отец Андрей тоже уже не спал. Закинув руки за голову, он лежал с открытыми глазами.

– Утро доброе, батюшка, – улыбнулся ему Юрка. – Не спите уже?

– Я уже вставал, молился. Жду, как все встанут. Лёжа ждать веселее, вот и прилёг.

Дверь отворилась, и в комнату вошли два Сергея. Один был с кружкой в руке и улыбкой на лице:

– Кому водички байкальской? Только что набрал.

Второй, усмехнувшись у него за спиной, спросил:

– А что, из крана не проще было? Тоже ведь байкальская.

– Чудной ты, – обернулся водитель, – хоть и художник. В кран вода по трубе идёт, не по своей воле, принуждают её. И без радости она из крана-то

льётся. Соответственно и пьющему радости много не доставит. А тут я её на руках принёс, и молитву по дороге ей шептал. Это, можно сказать, самая что ни на есть вода живая. Понимаешь?

Юрка уже тянул руку к кружке и, получив её, с наслаждением припал к живой воде. Из душа вышла Лида, и поэт протянул кружку ей. А художник всё усмехался: взрослые, мол, люди, а чушь несут. Ну, ну.

Помолившись и позавтракав, стали собираться в дорогу. Застелили постели и вышли во двор. Попрошавшись с гостеприимными хозяевами, путешественники уселись в автобус и выехали из ворот.

– Ну, а сегодня, дорогие мои, – начал отец Андрей, – путь нам на левый берег Ангары, в Порт Байкал. Там, на горе, есть домик уютный, даже два. Вот там и остановимся, переночуем. Люди там хорошие, окрестности примечательные, храм великолепный строится. Так что скучать не придётся. Скоро, кстати, и паром начнёт ходить.

Батюшке никто возражать не стал. Заехав на рынок, купив копчёного омуля и небольшой арбуз, двинулись к переправе. Проехав по Листвянке в обратном направлении, автобус с друзьями свернул налево и спустился к Байкалу. Все, кроме поэта, вышли на свежий воздух. Мелкой зыбью озеро трогало бетонный пирс, будто удивляясь его неожиданному появлению и стараясь вспомнить, прикасаясь к его бокам, а был ли он здесь раньше.

Высоко-высоко небо смешалось тремя красками: голубой, бежевой и белой. Растянутые по нему перистые облака зияли многочисленными прорехами, и солнце свободно проливалось сквозь них и на озеро, и на пирс, и на людей, ожидающих паром...

Трясогузка, опершись розовыми лапками о край бетонного парапета, смотрела глазами-бусинками на блестящую поверхность воды. Вдруг, переломив чёрный хвостик вверх, она подпрыгнула и развернулась в воздухе на сто восемьдесят градусов. Таким образом, взгляд её оказался направлен на светлый автобус, сидящего в нём Юрку-поэта и Лиду. Юрка опустил боковое стекло и высунул локоть из окна. А Лида встала как раз по солнцу к автобусу, и тень её руки упала на руку поэта. Улыбнувшись, она стала гладить любимого тёмной ладошкой. Проведя ею по Юркиной руке и шее, медленно вернулась обратно. Тот, ничего не замечая, глядел на валун, лежащий перед въездом на переправу и загораживающий его.

Интересный камешек, думал Юрка, вглядываясь в большую глыбу с чёрными неаккуратными буквами «Паром» и такой же закопчённой стрелкой, указывающей вправо. Справа действительно находился съезд к Байкалу. Казалось, он спускался прямо в воду. Ближе к берегу из мелкой зыби высовывались два железобетонных блока, видимо, указывающих границу допустимых для парама глубин. Камешек, лежащий перед бывшей переправой,

скорее всего тоже был таким блоком, оббитым со всех сторон и оттого казавшимся губчатый. И только на передней его стороне сохранился плоский, размером с большую заплатку, фрагмент гладкого железобетона. На самом краю старого причала высился одинокий силуэт отца Андрея. Он что-то пытался рассмотреть на блестящей поверхности озера. Сергей-художник стоял у переднего стекла автобуса и улыбался, глядя куда-то совсем рядом. Юрка перевёл взгляд в боковое зеркало и тоже улыбнулся, увидев тень на своей руке.

Лида совсем разыгралась. Она, видя, что милый не замечает её тенистых прикосновений, стала перебирать пальцами на его руке. Вдруг Юрка резко положил свою ладонь на тень от её руки. И что примечательно – тень исчезла под ладонью, а не осталась на ней. Лида сразу же отдернула руку. Но Юркина ладонь по-прежнему крепко прижимала тень от её руки. Та просто вытянулась, не в силах высвободиться. Это было чудом! Сзади загудел клаксон подъезжающего автобусика, и всё вдруг пропало. Девушка отскочила в сторону, не заметив, как тень просто порвалась. Снова взглянув на мужа, она увидела лишь его улыбку. А тень снова была рядом.

Батюшка всё вглядывался в противоположный берег, чем-то напоминающий большого зелёного медведя, крупной мордой припавшего к воде. Много лет он пьёт из Байкала. На зелёной шкуре уже появились старческие проплешины, похожие отсюда на песчаные осыпи. А может, это и были осыпи? Посмотрев на часы мобильного, батюшка вздохнул. Уже пять минут назад паром должен быть здесь. Он ещё раз всмотрелся в противоположный берег. Парома не было. Отец Андрей сгрёб бороду в ладонь. Он всегда так делал, сомневаясь в чём-то. Стоило ли ехать в Порт Байкал? Там, может, и нет никого сейчас, скучно будет. Тогда уж лучше к знакомому капитану прогулочного теплохода. Покатались бы по Байкалу, переночевали бы у отца Анатолия, а завтра и восвояси. Мысли сменяли друг друга, брови медленно сходились у переносицы, губы задумчиво округлялись под усами.

У-у-уу!!! Всё пространство вокруг на секунду взорвалось. Потом наступила давящая, как после контузии, тишина. А потом снова, уже будто издали: «У-у-уу-у!» Отец Андрей повернул голову влево, пытаясь определить источник звука. В причал ткнулись две автомобильные крыши, навешанные на металлический борт ещё одной местной достопримечательности – буксира «Минин». Местные с любовью звали судёнышко Миней. Из белоснежной рубки сначала появился матрос и, взяв швартовый конец, ловко перепрыгнул с ним на причал. Затем, как настоящий морской волк, с трубкой во рту и горящими глазами, вышел капитан и сразу же заговорил с батюшкой:

– Бабу-ягу ждёте, святой отец? Так вы её дождитесь. А то что же? Дама опаздывает, а вы и

уйти готовы.

Батюшка, подумав, что не расслышал чего-то из-за звуковой контузии, переспросил:

– Какая дама? Что за «Баба-яга», милейший? Мы паром ждём, а его нет, опаздывает.

– Да вот и она, «Яга» наша, – капитан кивнул вправо от отца Андрея. – Именно паром так и зовётся по причине схожести.

Батюшка посмотрел туда, куда указал капитан, и перекрестился. Он готов был поручиться, что минуту назад там ничего не было. Теперь же, усиленно загребая воду винтами, подплывал паром «Байкальские воды». В чём заключалась его похожесть с известным сказочным персонажем, определить сразу было нелегко. Уже много раз приходилось пользоваться переправой, а вот и не замечал ничего. Может, подъёмный трап напоминал кривой нос, а может, и ещё что. Ну, да Бог с ним! Отец Андрей поспешил к спутникам. У раздвоенного причала, напоминающего рогатку, стоял их автобус и какой-то местный грузовичок, нагруженный прохладительными напитками и всяческой вкусотой. Паром причалил и опустил металлические сходни на берег. Два грузовичка, очень похожие друг на друга, и одна легковушка, зарывчав на подъёме, прыгнули с парома и остановились, видимо, дожидаясь кого-то. Паром опустел, и теперь уже белый автобус с пассажирами и торговый грузовик запрыгнули по трапу на палубу. Два небольших автомобиля заняли всего половину палубного пространства, и пассажирам было где погулять. Наши путешественники тоже разбрелись по парому. Сергей-водитель болтал о чём-то с водителем грузовичка. Художник пристально вглядывался в буруны за бортом. Батюшка что-то выяснял у женщин, видимо, живущих в Порту Байкал. И судя по всему, он остался доволен. Берег медленно отдалялся. А «Баба-яга» везла своих пассажиров и ворчала: «Ишь рр-а-з-жи-рр-ели! Тяжело!»...

Глава 7 Порт Байкал

– Шалишь! – хрипел дизель.
– Куд-да?! – стучала волна о борт трясущегося от напряжения парома.

«Баба-яга» зло косилась налево. Там по серой поверхности вальжно двигался параллельно ей прогулочный теплоход «Империя». Этот франт в белом явно намеревался проскочить в портовую бухту перед самым носом тяжело идущего парома.

«А Баба-яга против», – пронеслось в голове у капитана. За много лет совместной работы капитан и паром даже думали одинаково. Прибавив обороты, маломерное судёнышко немного отошло от курса, ровно настолько, чтобы чуть сократить расстояние до входа в бухту. Благо, малая осадка позволяла это сделать.

«Ничего, проскочим», – подумали капитан и «Баба-яга».

«Ну, в самом деле! Не спускать же этому бездельнику. Вон какие бока наел, лоснится весь. А катает с десятков туристов или начальство развлекает. И всё туда же, без очереди, – справедливо негодовал паром. – Пусть повкальвает сначала, грузы потаскает, мозоли на гребных валах натрёт. Тогда уж и посмотрим».

Капитан крутанул мозолистой рукой штурвал, возвращаясь на маршрут. Самоуверенная «Империя» осталась в кильватере, метрах в ста позади. Теперь можно было замедлить ход, как предписывали надписи на бортах странной надводной конструкции, похожей на плавучий док и венчающей насыпной мол.

– Ну, как-то вот так, – усмехнулся капитан и похлопал Бабу-ягу по приборной панели...

– А тут можно вообще фотоаппарат поставить, и он сам снимать будет, – попытался помочь Лиде, мечущейся с цифровиком по палубе, советом художник.

Лида улыбнулась и со словами «Помаши рукой» навела фотоаппарат на него.

– Ну, зачем махать-то, – возмутился художник. – Все, как увидят, что их снимают, так сразу и машут.

– Положено так, – попыталась Лида убедить его.

На что тот резонно спросил:

– Кем?

Этим и закончилось. Отвернувшись от Сергея, Лида продолжила съёмку.

– «Николай Ерощенко», – вслух прочла она название стоящего у причала теплохода.

– О! Однофамилец нашего губернатора, – вырвалось у неё.

Стоявшая рядом дама уточнила:

– Это не однофамилец. Это именем старшего брата губернаторского круизный лайнер назвали. Кстати, лайнером его тоже назвали, чтоб с туристов денег побольше взять. Мне, к примеру, не по карману.

И, отвернувшись с достоинством, дама пошла ближе к трапу. Паром приближался к берегу. Лида тоже поспешила к автобусу и направила камеру на сидящих уже там водителя и поэта. Боковое стекло тут же открылось, и из него показались улыбающиеся пассажиры. Увидев, что их снимают, они дружно замахали руками.

– Ну вот, другое дело, – облегчённо сказала Лида и тоже улыбнулась...

Перевалив через пути Кругобайкальской железной дороги, автобус остановился в тени деревянного строения. На его блекло-зелёной стене, прямо над входной дверью, висела полузатёртая вывеска «Магазин».

– Подождите, – обратилась Лида к остальным. – Я что-нибудь к чаю возьму. Я скоренько.

И, выбравшись из салона, быстро направилась к потрескавшейся двери. А та вдруг взяла и отворилась ей навстречу.

– Ну, вот и дождалась наконец-то! – держа дверь открытой и пропуская Лиду перед собой, сказал мужчина неопределённого возраста. Синий кримпленовый пиджак, давно вышедший из моды, сильно оттопыривался в области его живота.

– Здравствуйте, здравствуйте! Милости просим, – согнул он руку в приглашающем жесте. На кримпленовом локте отчётливо чернела кожаная заплатка. – Вы сегодня у нас юбилейный посетитель. Вы, барышня, сегодня у нас первая. Так что заходите, очень обяжете.

Лида удивилась немного, но прошла в помещение. Свежевыкрашенные половицы тут же приветливо скрипнули под её ногой. И вдруг сладко запахло детством. Да, именно так выглядел поселковый магазин много лет назад, куда девчонкой бегала она за хлебом и конфетами. Именно так пах свежевыкрашенный пол, на котором не было витрин, а был длинный узкий стол, отделяющий полки с товарами и продавщицу тётю Глашу от немногочисленных покупателей. Тётя Глаша хозяйкой возвышалась над прилавком, в цветастом крепдешиновом платье с надетым на него белым фартуком. Лида немного завидовала ей. Наверное, хорошо быть хозяйкой всей этой вкуснятины! А ещё в дальнем конце прилавка находились промтовары. Девочка всегда проходила туда, хоть и не покупала ничего. Ей просто нравились запахи, запахи мыла, стирального порошка, красок... Почувствовав и здесь такой же запах, Лида даже прикрыла глаза.

– Глафира Северьяновна! Обслужите покупателя. Даласково! Ласково! Чай, их у нас не демонстрациями ходят.

Лида открыла глаза и увидела за прилавком статную во всех отношениях продавщицу в белом фартуке поверх цветастого платья.

– Что будете брать, барышня? – радушно улыбнулась та.

– Мне бы к чаю чего-нибудь. Конфет вот этих, – Лида кивнула головой в сторону «подушечек». Она давно уже не видела таких, они исчезли вместе с детством.

– Сколько? – улыбаясь, спросила продавец.

– Грамм триста. И вот этих грамм четыреста, – добавила Лида, указав на круглые палочки в обёртках. – Ну и вот этих ещё, шоколадных.

Глафира Северьяновна с неизменной улыбкой свернула из коричневой обёрточной бумаги большой кулёк и металлическим совочком ссыпала в него конфеты. Упаковав по купку, она достала счёты и застучала костяшками.

Расплатившись, Лида поблагодарила продавщицу.

– Кушайте на здоровье! – услышала она в ответ.

– А это вам от нас, – протянул руку в кримплене мужчина неопределённого возраста.

На большой ладони лежали две большие конфеты.

– Вам понравится, кушайте на здоровье, – сказал он, засовывая их в кулёк.

Лида успела разглядеть на обёртке надпись «Волшебные».

– Спасибо! – поблагодарила она и вышла на улицу.

– Вам спасибо! – сверкнул глазами мужчина.

Серёга любил дорогу на дачную сопку – будто «горки американские». Ему не впервой было преодолевать этот подъём, достигающий на отдельных участках тридцати градусов. К тому же частили повороты. Но если дождя не было, так даже интересно. А дождь, будто мысли прочёл, начал капать. Но церковная «Тойота» пока ещё крепко цеплялась колёсами за каменистый грунт, и автобус, взрыкивая, упорно карабкался в гору. А Сергей знай себе усмехается, наблюдая в зеркало за перепуганной Лидой, да на газ давит. Мимо проплывают постройки дачные, да изредка и сами дачники. Сколь верёвочке не виться...

– Батюшка! – повернулся водитель к отцу Андрею. – Дорога кончилась. Сейчас по травке направо?

– Направо, направо. А потом вверх и налево, вон за теми берёзками, – подтвердил тот.

Автобус нырнул колёсами во влажную траву и «поплыл» по лесу. Здесь было уже не так круто, как до этого, и Лида волновалась теперь не от страха, а от восхищения окружающими её красотами. А восхищаться, честно говоря, было чем. Вокруг, насколько хватало взгляда, невелились берёзки. Ни одной сосёнки, ёлочки или лиственницы, к которым глаз уже привык там – в родном Братске. На склоны сопки зелёными тучками легли лиственные леса. И преобладали в них берёзовые рощицы. Красотища!

Казалось, белые с чёрным стволы были везде. Но Сергей безошибочно определил те, о которых говорил отец Андрей, чай, не впервой. Рассекая зелёные волны густой травы резиновыми протекторами, автобус подплыл к небольшому домику и встал.

– Ну, вот и наша избушка, – показалось, с любовью произнёс батюшка и открыл дверцу «Тойоты».

Приглаживая полой рясы зелёный шёлк травы, отец Андрей направился к дому.

– На курьих ножках, – тихо добавил поэт.

А дачный домик и впрямь очень походил на сказочную избу. Приземистость её создавала ощущение того, что сидит она, поджав под себя куриные лапы. К лесу, то есть к ближайшим берёзам, изба была повернута задом – брусовой стеной без окон. Но и к гостям она повернулась не передом, а скорее, боком, мол, не बारे, сами порог найдут. Знала себе цену изба-то.

– Идите в дом скорее, – выглянул из-за угла отец Андрей. – Ключи на месте были, дверь уже открыта. Давайте быстрее, пока дождь не разгулялся.

Художник вышел не торопясь, натянул на голову куртку и засеменял к батюшке. Лида прикрылась сумочкой, но идти не спешила. Наконец, водитель захлопнул дверцу со своей стороны и, ничем не прикрываясь, обежал автобус спереди. Юрка уже открыл свою дверь и, подняв руками ноги,

поставил их на подножку. Сергей подставил спину и, взгромоздив поэта на неё, укрылся от дождя. Пока «поэзию» несли в избушку, Лида суежилась рядом, прикрывая своей сумочкой голову любимого. Наконец, все оказались под крышей.

Несмотря на то что снаружи домик выглядел неказисто, внутри было довольно просторно и уютно. Кроме комнаты, вмещавшей стол, два деревянных лежачка, пару табуретов, рукомойник и кирпичную печурку, небольшая веранда смотрела входной дверью прямо на Ангару, к которой с самого верха спускалась ложбина, усеянная дачными домиками, в основе своей одинаково двухэтажными, сложенными из бруса. И только крыши, покрытые разными материалами, придавали каждой постройке индивидуальность. Впрочем, одинаково кирпичные трубы, настойчиво проклёвывающиеся сквозь эти разномастные крыши, вновь её скрывали.

– Ну вот, здесь, братья и сестры, – обратился батюшка к разместившимся в доме, – здесь мы и остановимся перед обратной дорогой. Переночуем, а завтра и назад отправимся. Предлагаю привал начать с трапезы.

Никто и не стал отказываться.

Дождь за окном набирал силу, и приспособленная под водосток половина пластиковой бутылки, соединенная с резиновым шлангом, подрагивала, будто в ознобе. Шланг уже не сжегивал дождь, а сплёвывал им. Вдруг грязный ботинок сплющил его тяжестью субъекта в серой болонье, чёрных, давно уже не глаженных штанах, пиджачишке неопределённо-зелёного цвета и торчащей из-под него тельняшки. Оправив козырёк черной кепи с завёрнутыми вверх ушами, субъект направился к крыльцу дома. Шланг сплюнул ему вслед...

– О! Геннадий! Заходи, заходи. К столу присаживайся, – обрадовался гостю отец Андрей. – Рассказывай, как дела, как жизнь?

– Знакомьтесь, друзья, – обратился он к спутникам, – это Гена. Человек, я вам замечу, ответственный и трудолюбивый.

Геннадий тщательно вытер ботинки о лежащую у входа тряпку, постоял, раздумывая, снимать их или пожалеть людей. И всё-таки, передумав разуваться, вошёл.

– Здравствовать вам! – обратился он ко всем, почему-то глядя на сидящего в коляске поэта.

– Присаживайтесь. Я вам сейчас чаю налью, – пригласила Лида гостя к столу и подвинула ему конфеты.

– Спасибо! Вот только спешу я, – взяв несколько «подушечек», извинился Геннадий и повернулся к батюшке, – Я позже ещё зайду, отчитаюсь. Благословите, – нагнул он голову.

Отец Андрей положил ладонь на спутанные волосы просящего и добавил:

– Конечно, заходи. Поговорим, людей в храм сводишь и на старый маяк. Если дождь, конечно, кончится. До встречи.

Геннадий вышел, а Лида сказала:

– Забавный персонаж. Не очень опрятен, но вежлив и стеснителен.

А Юрка вдруг изрёк:

– На лешего похож очень.

Батюшка решил вмешаться:

– А ты его видел, лешего-то? Не видел, что ж судишь?

– Да я так, – смутился поэт, – по книжкам да по фильмам.

А батюшка продолжил:

– Гена пришлый. Потерял он всё, и сам потерялся. Эх он бывший, всё по тюрьмам да по срокам. Много нагрешил и даже душегубствовал. В тюрьме с батюшкой судьба их свела. В беседах да исповедах долгожданный покой обрёл. Там и к Богу пришёл и раскаялся. А как освободился, решил поближе к церкви находиться, к иконам да молитвам. Вот и ходил по разным храмам – трудником. В здешнем храме Преображения Господня он уже больше года. Все им очень довольны, никакой работой не гнушается. Вот и за домиками церковными приглядывает. Впрочем, у вас ещё будет возможность пообщаться. А пока прошу к столу...

Глава 8

Храм Преображения Господня

Чистые кружки стояли доньшками вверх, и водяные кольца обрамляли их бока на клеёнке стола. Лида, убрав со стола следы чаепития, колдовала у электроплитки, готовя обед. Два Сергея ушли. Художник спрятался от дождя в автобусе и, прикрыв глаза, задремал. Сны как-то сразу навалились на него, но были они какими-то странными и незапоминающимися. Чудные лица шевелили чудными ртами, пытаясь докричаться до него. Но вряд ли бы он вспомнил о них, проснувшись, так как и во сне пытался отмахнуться от этих кривляющихся рож.

Сергей-водитель прошёл в соседний строящийся дом. Точнее сказать, дом был уже построен, и труба русской печи венчала крышу. Но строительные леса с лежащими на них досками ещё подпирали его с трёх сторон. Поднявшись на второй этаж, Сергей взял в углу матрас. Раскатав его, лёг на спину и, закинув руки за голову, начал фантазировать. Он почти всегда, оказавшись в просторном жилище, представлял, как его неугомонная орава носится из угла в угол, цепляясь друг за друга и за него, визжа, хохоча и ябедничая друг на друга. А они с Ольгой, обнявшись, гордо взирают на своё семейство...

– Сюда бы ещё «шведскую стенку» для мальцов и кольца, – пробормотал Сергей, прикрывая глаза.

Юрка любовался женой, чуть наклонив голову. Любовался её красотой и сноровкой. Всё спорилось в её руках. Вот и сейчас, пока мужская часть «экспедиции» мостилась на отдых для

восстановления растраченных сил, Лида убралась в комнату после чаепития, поставила на плиту кастрюлю с водой, начистила картошки, сбегала на огород за зеленью и затеяла рыбный суп. Аппетитные ароматы наполнили помещение и тонкими струйками проникали в нос поэта и батюшки.

Отец Андрей вдохнул запах консервированной рыбы и почувствовал, что проголодался.

– Ну, что у нас, Лида-голубушка, с обедом? – спросил он.

– Готово, готово. Сейчас остынет, и надо всех к столу звать.

Батюшка вздохнул и со словами «Бог терпел» удобнее устроился на лежаке. Затем, взяв с окна нотбук, раскрыл его и, опустив ноги на половицы, поставил гаджет на стол.

– Ну, что, друзья, – обратился он к Лиде и Юрке, – предлагаю перед тем, как натрудить чрево, отдохнуть душой.

Повернув экран к подсевшим зрителям, продолжил:

– Мне тут перед отъездом фильм записали, говорят, хороший. Сейчас и поглядим, насколько.

Называется «Притчи».

Отец Андрей нажал какую-то клавишу, и фильм начался. Он оказался действительно довольно занимательным. Несколько религиозных новелл – лёгких, но довольно поучительных, настолько увлекли смотрящих, что вошедшего гостя не сразу и заметили.

– День добрый, – постучал в косяк дверного проёма гость.

Светло-карие глаза его хитро прищурились. Полторы брови, над левым глазом бровь щетинилась только наполовину, приподнявшись, смяли лоб двумя морщинками.

– Как вы тут? – продолжил он, увидев, что все повернулись в направлении веранды.

– Гена! – обрадовался отец Андрей.

– Заходи, брат, заходи. Как раз к обеду. У нас вкуснейший супчик, наверное, простыл уже. А на десерт арбуз. Так что милости просим.

Растянув в улыбке рыжие усики и выпятив редкую, тронутую сединой короткую бородку, Геннадий снял дождевик и прошёл.

А вскоре подошли и два Сергея. Все расселись вокруг стола и втягивали в себя манящие запахи разливаемого Лидой по тарелкам рыбного супа. В золотистом бульоне среди блёсток жира и картофельно-морковных островков то выныривали, то погружались обратно серебристо-чёрные бока консервированной сайры. Батюшка возблагодарил Господа и благословил сотрапезников. Суп немного остыл, и пар уже не поднимался над тарелками. Но от ложек, подносимых ко рту, ещё веяло теплом.

– Вкусно-то как! – восхитился художник.

– И аромат необычный такой! – поддержал его поэт.

Лида смутилась немного, но зарделась от похвалы. И, чтобы сгладить ситуацию, объяснила:

– Это я на огороде травки нарвала. Не знаю, как называется, но необычайно ароматна.

На этом разговоры и закончились. Только стук ложек о тарелки и редкие одобрительные междометия нарушали тишину. Опустевшие тарелки у желающих наполнились ещё и снова опустели. Арбуз съели лишь наполовину, не влезал.

– Благодарствуем тебе, Господи Боже наш... – зарокотал батюшка.

Окончив молитву, он обратился к Геннадию:

– Послушай, брат! А не сводил бы ты гостей наших прогуляться к храму да к маяку. Они здесь ещё не были, любопытствуют.

– Да я что ж, – ответил Геннадий, – я всегда могу. Да дождит вот только, промокнут гости наши.

– А зачем же им промокать? – возразил батюшка.

– Экипируем. В доме два дождевика, мужской и женский. Мы с матушкой моей с прошлого раза оставили, как знали. Вот и оденем Лиду и Сергея, – вопросительно поглядел он на художника. – Я тут не первый раз, водитель мой тоже.

– Юрию, – будто оправдывался он, – на коляске здесь вряд ли получится.

А тот нисколько и не расстроился:

– Ничего. Лида камеру возьмёт. Сфотографирует всё и потом мне покажет.

Так и сделали...

Ей было очень удобно в матушкином дождевике. Раньше Лида представляла дождевик таким плащом до пят с капюшоном. Матушкина же прорезиненная курточка маскировочного раскраса и до колен не доставала. А с учётом того, что роста они были приблизительно одного, пришлось как раз впору.

«Не то что Сергею», – улыбнулась Лида, мельком посмотрев на художника.

Сейчас он шёл в длинной болоньевой куртке с капюшоном, что ему презентовал батюшкин водитель после того, как тот неудачно пытался примерить дождевик отца Андрея. Тёмный балахон складкой спал на пол, а из рукава торчали лишь кончики пальцев. Надеть капюшон художник не стал даже пытаться. Он виновато посмотрел на собственное отражение в висячем над рукомойником зеркале и с досадой снял дождевик. Тут-то и пришёл на помощь Сергей-водитель.

Лида вдруг обратила внимание на то, что дождь прекратился.

«Вот что значит в храм идём», – подумала она и, обернувшись назад, ахнула.

Над дачным посёлком сияла радуга. Яркое солнце, отражаясь в дождевой взвеси, раскрасило волшебную дугу в семь цветов. Неизвестно, сколько Лида простояла, любуясь радугой. Когда она посмотрела в сторону ждущих её впереди Геннадия и Сергея, то поняла, что пора их догонять. И чёрные резиновые сапожки зашлёпали по мокрой траве вслед ботинкам Геннадия и сапогам художника.

– Нет, с бабой свяжешься, на собственные похороны не успеешь, – высказывал художник Геннадию слова, предназначавшиеся Лиде. Но не со

зла, а так – по привычке ворчать.

Лида подошла достаточно близко, и «с бабой свяжешься» резануло ей уши. Но она предпочла сделать вид, что ничего не слышала. К тому же она уже знала, что «бабами» Сергей именовал всех женщин принципиально.

– Я недолго, правда же? – улыбнулась она.

– Ничего, – сказал Геннадий.

– Угу, – вытолкнул из себя художник.

Лида направила на мужчин фотоаппарат, а потом будто вспомнила:

– Ну, что стоим? Геннадий, ведите нас.

Сергей задохнулся от такой наглости и ничего сказать не сумел...

Вскоре троица вышла по тропинке из рощицы к неизвестно откуда взявшейся на горе грунтовой дороге. Посреди неё, видимо, не понимая, что это проезжая часть, лежала местная Бурёнка. А может, и не Бурёнка, но местная. Собственной тяжестью она надавила на полное молоко вымя, и то расточительно лилось на дорогу. А вокруг с поднятым вверх хвостом мурлыкала и кружила удивительной красоты кошка. Белая по бокам, с серой спиной, кошка блестела на солнце, будто серебряная. Из-под ушек на дымчатой мордочке глядели на корову два совершенно неодинаковых глаза. Правый глаз был голубым, а левый – зелёным. Геннадий подошёл к Бурёнке, наклонился, шепнул что-то ей в ухо и почесал промеж рогов. Корова поджала под себя передние ноги и, оттолкнувшись задними, встала. Встала и пошла куда-то. А удивительная кошка тут же подбежала к пролитому молоку.

– Ну, вот и порядок, – сказал Гена. – А это, – протянул он руку перед собой, – храм Преображения Господня. Пришли.

Лида снова застыла с широко открытыми от удивления глазами и ртом. Благо, никто в это время за ней не наблюдал. Но, в оправдание Лиде, удивляться было чему. Прямо из воздуха материализовалось необычайной красоты строение...

Это был православный храм. Он был ещё не достроен, но возведён уже под крышу. Стропила стояли по всей длине и на четверть были покрыты досками. Брёвна второго этажа не то чтобы не потемнели от времени, а казалось, ещё источали аромат свежевыступившей смолы. Первый этаж был сложен из кирпича и побелен. И по всему периметру цоколя лежал розовый мрамор. А перед ним стояли высокие чурбаны с цветочными горшками, в которых красовалась разноцветная герань.

Лида поспешила достать фотоаппарат, чтобы запечатлеть эту красоту и показать потом Юрке.

Но самым странным во всём этом великолепии казалось полное отсутствие людей. Кроме Геннадия, Сергея и неё, никого больше, совершенно никого не было. И Лиде это показалось почему-то очень знакомым.

Геннадий, сняв шапку, перекрестился троекратно, поклонился и вошёл в открытую дверь первого придела. Лида и Сергей, также перекрестившись, с

поклоном последовали за ним. Внутри, как и снаружи, никого не было. Свет, проникая в многочисленные арочные окна с двух сторон придела, позволял детально разглядеть храм. Преобладающим цветом в храме был белый. И Лиде на мгновение даже показалось, что они на облаке – на райском облаке. Всюду на белоснежных стенах висели иконы. И казалось, лики святых, бывшие здесь единственными обитателями, внимательно смотрели на вошедших. Всюду, где только можно было их разместить, стояли вазы и вазоны с декоративными цветами.

«Живые», – поняла Лида, присмотревшись к лепесткам лилий и роз и вдохнув цветочный аромат.

«Но если срезанные цветы живые, значит, их часто меняют. А цветов здесь много. Богатые, выходит, прихожане, и храм свой очень любят! Но где же они? Где хоть кто-нибудь?»

Всё было ей здесь знакомо, так как Лида уже много лет у себя дома служила в православном храме на клиросе. И всё же всё было необычно. Выложенный разноцветным кафелем баптистерий в глубине зала и немного слева был пуст. Но цветы, стоящие на его кафельных рёбрах, будто предвосхищали таинство крещения и манили к нему. Два белых престола с крестами, покрытые белоснежными салфетками и утопавшие в живых цветах, стражами стояли пред ступенями величественного алтаря. По левую и правую руку от них копьевидно возвышались напольные подсвечники с парой зажжённых свечей в каждом. Свечи были только что зажжены, судя по их размерам.

«Кто же, интересно, их зажжёт?» – почему-то насторожилась Лида.

И вдруг она поняла, что это всё ей напоминает. «Аленький цветочек», замок с невидимыми слугами и чарующей красотой.

«Видно, и свечи зажжёт кто-то невидимый», – успокоилась Лида, вспоминая, что слуги в сказке были добрыми.

Вот уже и алтарь. Как и положено, справа от него находился клирос, пустой сейчас, без регента и певчих. Но Лиде отчётливо слышалось пение, тихое и благодатное. Она зашла на него. Здесь и клирос был белым. На нём лежали тексты богослужений и одиноко стоял фолиант Октоиха, изумрудный с позолотой. Лиде вдруг очень захотелось подпеть невидимому хору. И она не сдержалась. Её пение эхом пронеслось по пустому залу. Лида вдруг поняла, что она действительно одна. Оглядевшись вокруг и не увидев своих спутников, ни Геннадия, ни Сергея, «певчая» беспокойно зашпешила к выходу...

Художник, повернувшись спиной к стоящему на полу недостроенного второго этажа деревянному куполу, глядел на Лиду. Точнее, он глядел в направленный на него объектив.

«Лишь бы рукой махать не заставила», – беспокоился он...

Сергей недолго был в храме – захотелось курить. Он перекрестился на ближайший лик Николая Чудотворца и, поклонившись, вышел на улицу...

– А как на второй этаж попасть? – спросил художник у вышедшего вскоре Геннадия, гадая, заметил ли тот брошенный им в траву окуроч. Но тот, видно, ничего не видел и ответил:

– По лесам поднимемся, только вот Лиду подождём.

– Нет, с бабой свяжешься... – не закончил Сергей, плюнув вслед окурочу.

Впрочем, как ни странно, долго ждать не пришлось. И вот они уже на втором этаже. Здесь было не менее интересно, чем на первом. Бревенчатый сруб был выведен под крышу, но покрыт ею лишь на четверть. Как раз посередине, под открытым небом, стоял небольшой деревянный куполок.

– Когда храм был ещё одноэтажным, – пояснил Геннадий, – этот купол его венчал.

– Ладно. Давайте выдвигаться, – продолжил он, – на старый маяк. А то дождь снова частить начинает.

Спустившись по лесам на землю, спутники оказались уже под настоящим дождём...

Глава 9

Мат Легаля, старый маяк и волшебные конфеты

Юрка чуть не подпрыгнул от такой удачи.

Оперевшись о подлокотники коляски, он немного привстал и, плюхнувшись обратно, начал потирать руки.

– Ну вот! И на нашей улице грузовик с апельсинами перевернулся!

Улыбнувшись, Юрка взял батюшкиного ферзя и, убрав с доски, поставил на его место своего слона. Это была уже пятая партия. Все предыдущие были им бездарно проиграны. Батюшка играл безупречно, и поэт начал уже разочаровываться в своих способностях. Как вдруг!..

– Просмотрели, батюшка, просмотрели, – как можно слащавее посочувствовал Юрка.

– И на старуху... – вздохнул отец Андрей.

– Шах, – взял он слоном пешку поэта. – Ну, ничего, – попытался утешить тот батюшку, с удивлением вдруг обнаружив, что у короля для отхода осталось одно-единственное поле.

– Ничего, – согласился отец Андрей и, взявшись за коня, улыбнулся.

– Мат.

– Как мат?! – не поверил Юрка своим глазам.

Но факт был, как говорится, налицо. Ходить королю было некуда.

– Мат Легаля, – просветил батюшка партнёра. – Для начинающих, – добавил он.

Поэт схватился за голову и... рассмеялся.

– Всё. Надо либо учиться играть, либо играть только с Остапом Бендером. На сегодня, пожалуй, хватит. Спасибо за науку!

Юрка сгрёб фигуры с доски, и те, немного раскатившись по столу, замерли. Складывая их в коробку, он продолжал:

– Что-то загуляли наши экскурсанты. Видно, Геннадий – хороший гид.

– Пусть, – заключил отец Андрей, – гуляют. – Уж если в места эти сказочные забрели, пусть полюбуются. Когда ещё придётся?

– Да я что? Пусть, конечно, – согласился Юрка. – Не простыли бы только, вон дождь как разгулялся. А Лиде болеть нельзя, ей завтра обратно возвращаться надо.

– Что? Утюг не выключила? – вздохнул батюшка.

– Если бы, – оценил поэт шутку и улыбнулся.

– Сестра двоюродная из Барнаула приезжает, вчера звонила. Так что, если возможно, пусть Сергей её с утра на паром отвезёт. А там она уж сама, на автобусе до Иркутска и из Иркутска домой.

Юрка вопросительно посмотрел на батюшку. Дождь за окном уже не нашёптывал о чём-то, а сердито ворчал...

Геннадий распрямился. В его протянутой руке красовался мухомор.

– Мамочка, красота-то какая! – воскликнула Лида и тут же захотела сфотографировать это чудо.

Раньше она была уверена, что шляпка у мухомора красная в белый горох. В действительности же всё оказалась намного красочней. На белую грибную ножку была надета роскошная шляпа. Её края были окрашены в солнечно-жёлтые тона. Приближаясь к центру, цвета постепенно, без видимых границ, менялись, замещая один другого. Жёлтый, оранжевый, розовый и, наконец, алый цвет. И всё это великолепие было беспорядочно обрызгано «сметаной». Жирные капли её по краям были более мелкими, но почти слипались друг с другом. Выше «сметана» попадалась реже, небрежно разбросанная более жирными сгустками. С самой верхушки она, видимо, стекла, и алый верх шляпы был пустым.

Сфотографировав с мухомором Геннадия, Лида решила осчастливить и художника. Забрав красивый гриб у трудника, она попыталась всучить его Сергею:

– Держи, – протянула она ему мухомор, – запечатлись с такой красотой. Потом, может, и картину напишешь. Назовёшь «Красавец-мухомор».

– Ну да. Чтоб люди в догадках терялись, кто же здесь мухомор? – то ли пошутил, то ли съязвил художник.

Вместо гриба он забрал у Лиды фотоаппарат:

– Давай, лучше я тебя сфотографирую. Вашему же полу хлеба не надо, дай покрасоваться. А нарисую я потом Геннадия и назову «Портрет Лешего». Уж больно похож.

Лида сняла косынку и причесала волосы появившейся прямо из воздуха гребёнкой. Встав вполборота к фотографу и протянув руку с мухомором, она улыбнулась.

Кадр получился неплохим. Тем более что на нём, за Лидиной спиной, высилось какое-то загадочное сооружение, состоящее из большой металлической трубы, торчащей вертикально

из земли. Макушку трубы венчала круглая площадка, окутанная непонятными серыми зарослями. Художник для надёжности, а скорее, чтобы успокоить фотографируемую, ещё раз нажал кнопку цифровика и обратился к Геннадию, направив перст в сторону сооружения:

– А это что?

– А это и есть он, старый маяк, – ответил тот.

– Такой маленький, – разочарованно произнёс художник.

– Это как посмотреть. Сверху маленький. А спустимся ниже, так и не очень. Всё, как сказал какой-то учёный человек, относительно, – удивил своими познаниями Геннадий.

– Так что же мы тут стоим? Спускаемся, – засеменял Сергей вниз по склону.

– Ой-ё-ёй! – запричитала Лида, боком почти заскользив по мокрой от дождя траве.

А дождь уже совсем беспринципно пытался проникнуть сквозь любые покровы к телам дерзких гостей. И пока те спускались, как оказалось, по довольно длинному склону, частично добился своего.

– Ух, ты! – задрав голову, выдохнул художник, достигнув, наконец, основания старого маяка.

– А труба-то высока!

То, что издали виделось серыми зарослями, оказалось мотками колючей проволоки, опутывающей ограждения смотровой площадки, из которой торчали палки всевозможных антенн.

– Маяк-то не действующий давно, – пояснил Геннадий, – вот и используют его для сотовой связи. А чего зазря ржаветь?

Сергей осмотрел трубу со всех сторон. Прикрученная болтами к металлическому основанию, она надёжно возвышалась почти наверху сопки. Дверь, служившая раньше входом на маяк, была намертво заварена. Единственным отверстием, пропускающим внутрь маяка хотя бы солнечный свет, являлось прямоугольное окно, расположенное на высоте нескольких метров от земли. И проникнуть через него человеку не было никакой возможности.

Осознав, что больше ничего интересного здесь им не увидеть, путешественники, ведомые Геннадием, отправились дальше. Миновав несколько одиноких берёзок, они оказались на краю крутого спуска, упирающегося своим основанием прямо в Байкал. На его подножии разместился небольшой посёлок с корабельной бухтой и конечной станцией Кругобайкальской железной дороги. Это и был Порт Байкал, только теперь увиденный ими с высоты птичьего полёта.

По щекам всех, стоящих на краю, вдруг побежали крупные слёзы. Что это было: страх, восторг, умиление? Вовсе нет. Это был всего лишь дождь, правда, разгулявшийся

уже до неприличия. И, чтобы окончательно не размокнуть, было принято решение возвращаться...

Вера и Веня, здешние соседи, уже полчаса порывались откланяться. Но на улицу опустились плотные кулисы дождя. Пришли гости, когда с неба ещё слегка моросило, проведать приехавшего батюшку и пообщаться с хорошим человеком, ещё раз поблагодарить его.

– Да что ж оно хлещет-то так? – возмутился Вениамин, молодой мужчина лет сорока.

На коленях у него сидела десятилетняя девочка, очень на него похожая. Ещё несколько лет назад девочка не могла даже сидеть. Болезнь позвоночника поставила врачей в тупик, и они лишь разводили руками. Вот тогда-то отец Андрей и повстречал их. Добрым ли своим отношением, искренней ли молитвой своей, а может, просто огромным желанием помочь батюшка испросил у Бога чуда. Леночка сначала научилась сидеть без посторонней помощи, а затем и встала, и пошла. Теперь при каждом приезде священника родители обязательно приводили дочь испросить у него благословения. Да и сами они, хоть и причащались регулярно в своём храме, не упускали возможности склонить голову под благословляющую ладонь батюшки.

– Спешись, Веня? – поинтересовался отец Андрей.

– Спешим, батюшка. Видит Бог, спешим, – ответила Вера за мужа и за себя.

Она была женщиной скорее хрупкой, чем крепкой. Но, будучи старше супруга на пять лет, Вера чувствовала какую-то ответственность за него. И от этого иногда не сдерживалась и вмешивалась в его разговоры. Веня не обижался на жену, поскольку души в ней не чаял, в ней и своих двух детишках. Лёнька, первенец их, был старше Леночки. Но пять лет разницы не отдаляли сестру с братом, может, ещё и потому, что других детей, близких им по возрасту, почти и не было. Школа, да и школьники, были в самом Порту Байкал, и отец возил детей туда на машине. На ней же Веня и работал, почти ежедневно мотаясь на пароме в Большую Речку за продуктами, чтобы Вера потом торговала ими в их маленьком дачном магазинчике. Дела шли неплохо, но приходилось крутиться.

А Вера, погладив мужа по руке, продолжала:

– Кормилец он наш, батюшка! Ему завтра... – и не закончив, вздрогнула.

Дверь, взвизгнув собакой, которой наступили на хвост, распахнулась. Показалось, что открылся люк подводной лодки. Из забортной воды появились трое.

– Ну, и как сходили? – задал вопрос батюшка вошедшим, со смехом утирающим лица и скидывающим непромокаемую одежду.

– Плавание прошло в штатном режиме, – опять то ли пошутил, то ли съязвил Сергей-

художник, скинув сапоги и пропуская вперёд съёжившуюся Лиду.

– Ой, батюшка! Красота-то какая! Особенно в храме замечательно! А природа-то какая! А Байкал с высоты! А...

– Ясно, ясно, голубушка! – прервал отец Андрей женские восторги.

– Знакомьтесь, – представил он друзьям своих гостей, – это соседи наши, Вениамин и Вера. А это дочь их, в крещении Елена. Люди обстоятельные и добрые.

Затем он также отрекомендовал друзей супругам и обратился ко всем с предложением поужинать. Соседи начали было отказываться, ссылаясь на дела. Но дождь только начал затихать, а батюшка поставил на стол половину от большого зелёно-чёрного шара. Посмотрев, как дочь глядит на арбуз, Веня и Вера решили всё же «попить чаю».

Для начала решили согреть желудки горячим.

Лида, поставив перед каждым тарелку с рыбным супом, нарезала хлеб тоненькими ломтиками. Почти обжигаясь, мужчины черпали из мисок золотистую юшку и только кричали от удовольствия. Лида, Вера и Леночка ели по-женски аккуратно, дуя в ложки и зажмуриваясь. Пока они съели свои порции, мужчины уже доедали добавку. А дождь на улице, видно, поняв, что бессилён перед сытным теплом Лидино супа, разочарованно притих.

После первого блюда приступили к оставшейся половине арбуза. Батюшка большим кухонным ножом с трескающимся звуком начал делить её на дольки. Впиваясь в сочную красную мякоть зубами и сплёвывая чёрные семечки в заботливо подставленные Лидой чайные блюдца, едоки умиленно смотрели друг на друга и по сторонам. Поблагодарив за угощение, соседи решили откланяться.

– На доброе здоровье, – ответил им отец Андрей и добавил: – Вениамин! Ты же утром на пароме в Листвянку собираешься. Захвати, голубчик, нашу девушку с собой, – и указал на Лиду.

Несмотря на едва различимое неудовольствие Веры, Вениамин ответил согласием:

– Конечно, конечно. Завтра жду. До свидания!

С этими словами семейство вышло из дома.

С остатками арбуза справились дружно, тем более что Сергей-художник в этом деле оказался докой.

– До чего ж полезительную ягоду Бог создал, – резюмировал художник, очередями плюясь семечками и обгладывая арбузные корки.

Силы на чай остались только у двоих – у Юрки-поэта и Сергея-художника. Разлив кипяток по кружкам и кинув в них два чайных пакетика, Лида высыпала из кулька на стол конфеты:

– Пейте, да спать пора.

Отец Андрей и Сергей-водитель, пожелав всем спокойной ночи, отправились на ночлег в строящийся по соседству дом. Звали с собой и художника, но он предпочёл снова спать в автобусе.

– Чур, моя! – выхватил поэт из горки конфет самую большую.

– Волшебная, – прочитал он и победоносно посмотрел на художника.

А тот улыбнулся и разгрёб горку. На самом её дне лежала ещё одна «Волшебная» конфетина...

Глава 10

Неожиданная встреча

– Я же говорила, говорила! Зря «Волшебные» потратили! – зазвучал в голове женский голос.

– Лежит и ухом не ведёт. А конфет-то уже кот наплакал, да и срок годности у них вот-вот истечёт. Первая же проверка – и всё, изымут. А когда ещё пришлют?

Мужской голос возразил:

– Какая ещё проверка? Вы заигрались, Глафира Северьянна. Мы не в магазине уже. Да и вообще мы уже не там, а здесь.

– Ой! И правда. Извините, Иван Савватеич! Это я с расстройства, чего же он не просыпается? Людочка! Вы у нас самая голосистая, попробуйте вы.

Женский голос замолчал, но тут же в голове взорвался крик:

– Вста-ва-йте-е!!! – и почти шёпотом: – Ну, пожалуйста.

Юрка не осознавал, крик ли или просящее «пожалуйста» заставило его открыть глаза. Нет, попытаться открыть. Веки налились свинцом, ресницы вцепились друг в друга, и ужасно трещала голова.

– О-ох! – выдохнул он. – Кто!? – как можно строже, чтобы скрыть испуг, – спросил он. – Кто здесь!?

Ничего не услышав в ответ, Юрка всё же открыл один глаз и увидел три почти неразличимых в темноте комнаты силуэта.

– Вона как, – проскрежетал старушечий голос.

– Работают конфетки. А вы, Глашенька, волновались. Зря, выходит.

Окончательно придя в себя, поэт подскочил с кровати и схватил первое, что попало под руку. Это была ручка инвалидной коляски. Руку будто обожгло: «Что это? Я стою. Я стою!» Юрка разжал ладонь и зачем-то поднёс её к глазам: «Это сон. Я просто сплю», – решил он.

– Ну, если вам так удобнее, считайте это сном, – раздался в темноте голос неизвестного мужчины.

Прорвавшийся сквозь тучи лунный свет четырьмя жёлтыми квадратами упал на клеёнку стола. Чья-то рука поднесла к одному из них свечу,

и её фитилёк вспыхнул капелькой огня. И как раз вовремя, так как туча снова наполнила на лунный ночник. А капелька становилась всё ярче и ярче, пока не осветила всю комнату. Спиной прижавшись к печке, стояла, видимо, обладательница старушечьего голоса. Беззубо улыбаясь, она почему-то протягивала раскрытую ладонь, будто христарадничала. Ближе к столу, одной рукой опершись о него, а в другой держа горящую свечу, смотрел Юрке прямо в глаза пузатый мужчина в синем кримпленовом костюме. Положив на его плечо руку, рядом улыбалась статная во всех отношениях женщина в белом фартуке. Как поэт ни старался вспомнить эти образы, ничего не выходило, они были незнакомы. Юрка скосил взгляд направо. На лежанке мирно спала Лида. «Не сон, – пронеслась мысль. – Не сон».

– Конечно, не сон, – сказала сидящая на краю лежанки сухонькая женщина неопределённого возраста.

– Кстати. Как вам мой тусок, пригодился? – встала она.

Продавщицу сувениров Юрка узнал и сразу успокоился. Такая добрая женщина не может быть источником опасности.

– А как ваш Васька? – вопросом на вопрос ответил он.

– Извините, – вмешался кримпленовый толстяк, – если перебыю вас. Но у нас катастрофически мало времени. Дело в том, уважаемый Юрий, не знаю, как вас по батюшке...

– Витальевич, – машинально поспешил с ответом поэт.

– Очень приятно! Ну, так вот, Юрий Витальевич. Так вот, – продолжил толстяк, – какая, понимаете ли, ситуация. Вы не спите. Вернее, вы спите, но не здесь – у нас, а там – у себя.

Юрка ничего не понимал, но на всякий случай перекрестился, оглянувшись на икону Богородицы, висевшую на стене у лежанки.

– Мама! – вырвалось у него.

На лежанке вверх лицом спал он, собственной персоной. Носок наполовину сполз с правой ноги, и Юрка, не удержавшись, попытался подтянуть его сам себе, конечно же, не веря собственным глазам.

– Как это? – задал поэт вопрос, ни на кого не глядя. – Господи! – воскликнул он. – Спаси! – и, резко повернувшись к неожиданным гостям, начал усиленно крестить их. Но тех даже не перекосило, и они не растворились в воздухе.

– Да перестаньте вы, – вздохнул полный мужчина в кримплене. – Мы тут все не меньше вашего в Бога верим. Тем более и видели Его своими глазами. Вот, глядите, – и осенил себя крестом. – Могу и молитву прочитать.

Юрка сел на топчан, отодвинув, как ему показалось, к стене свои собственные ноги. Ущипнув, ещё на что-то надеясь, себя за руку, сказал:

– Ну, давайте. Объясните мне, что происходит. Кто вы такие и как здесь оказались? Или как я здесь оказался?

– Совершенно правильно, – кивнул незнакомец – именно вы. Ну, если уж быть совсем точным, не вы конкретно, а одно из ваших «Я». А так как человек вы набожный, надеюсь, не самое худшее. Ладно. Пока пытаетесь что-то понять, разрешите представиться. Начну с себя. Иван Савватеевич – главный... э-э-э, ну просто главный. – Указав на женщину в белом фартуке, представил и её: – Глафира Северьяновна – моя помощница и наш завхоз. С Людочкой, – тронув за руку продавщицу сувениров, продолжил он, – вы уже знакомы, а это, – кивнул он в сторону старухи, – Никаноровна.

Иван Савватеевич замолчал и внимательно посмотрел на Юрку. Заметив на его лице признаки активизации мыслительного процесса, как-то: полуприкрытые глаза, внимательно наблюдающие за ним, и периодически возникающие морщины на лбу, он продолжил:

– Кто мы? Тот же вопрос я мог бы задать и вам, если бы давно не знал ответ на него. И мы, и вы, я полагаю, творения Божьи. Только вы почему-то решили, что по образу и подобию Своему Он, – главный поднял палец вверх, – создал только вас. Смею вас заверить, это не так. Господь, я думаю, вы согласитесь со мной, поумнее нас-то с вами будет. Не зря же Он сначала создал свет и тьму – день и ночь, а уж потом взялся за остальное. Иначе как бы мы могли узнать срок сотворения мира? Так и с нами. Глупо держать все яйца в одной корзине. Почему Господу подобия Свои не разместить в разных местах? Вот и сделал Отец наш для нас...

– Юрка, не спишь?! – вместе с распахнувшейся дверью в помещение ворвался голос художника.

А следом ворвался и сам художник. Захлопнув за собой дверь, он задвинул засов и остался стоять спиной к поэту, ожидая чего-то и одновременно взволнованно разговаривая:

– Что так долго не ложитесь, свет жжёте? Хотя, конечно, дело ваше. Тут такое творится! Я арбуза много съел, вот и спал через раз – в сортир из автобуса бегал, благо рядом. Очередной раз облегчился, выходить уже собрался. Слышу, разговаривает кто-то. Я в отверстие смотрю, четверо у автобуса. Все здоровые мужики. Слышу: «Где же он?» – говорят. Понял, меня ждут. Я выскочил и к вам. Не знаю, заметили или нет.

Дверь сначала вздрогнула пару раз, будто её пытались открыть, а потом затряслась от ударов, и снаружи раздался хриплый бас:

– Открывайте! Мы знаем, что вы здесь. Иван Савватеевич! Объясните этому дурню художнику, что не нас бояться следует.

– Сергей! – окликнул Юрка художника. – Серёга! Послушай меня.

Художник обернулся на голос друга и испуганно прижался к двери, увидев, что поэт в комнате совсем не один. Три каких-то бабы щерили рты в улыбках. Толстый мужик тянул к нему руку. Сергей начал искать глазами поэта, чтобы он хоть что-то объяснил. А тот сидел на лежанке и махал ему рукой. Потом он

поднялся и, улыбнувшись, сделал шаг навстречу. Увидев идущего к нему Юрку и Юрку, оставшегося лежать на постели лицом вверх, художник ощутил животный страх. Он, пытаясь убежать от этого ужаса, так рванул ручку двери на себя, что задвижка выстрелила из дверного косяка. Сергей буквально прыгнул наружу и оказался в крепких руках четырёх мужчин, будто специально караулящих его у дверей. Мозг художника, оказавшийся не в состоянии принять такое количество необъяснимой информации, отказался что-либо понимать и просто отключился. Обмякшего, его внесли в избу и уложили на диван рядом с лежащим поэтом.

– Да! – сказал Савватеич. – Нервишки шалят. Художник, одно слово.

Человек в форме ГАИ заволновался:

– Как же он нам поможет? Другого надо искать, другого, – и нервно хихикнул.

– Другого, Фёдор, – возразил толстяк, – нам искать уже некогда. Да и конфеты на исходе. Будем, так сказать, довольствоваться тем, что есть. Гениальных художников не пруд пруди.

– Ну, вообще-то, если поискать, – возразил мужчина в красной косоворотке.

– Знаю, знаю, Владимир Юрьевич, вы у нас знаток художников. И, думаю, смогли бы отыскать ещё одного. Но я уже упоминал о нехватке времени. Поэтому поступим так, – пользуюсь своими полномочиями главного, заключил Иван Савватеевич, и посмотрел на поэта: – Уважаемый Юрий Витальевич! Я правильно понимаю, что вы уже доверяете нам?

– Ну, я доверяю своим глазам, – ответил Юрка. – Да и как иначе всё это объяснить? – сделал он неопределённый жест рукой.

– Пусть так, пусть так, – согласился толстяк.

Протянув поэту какой-то пузырьрёк, добавил:

– Мы сейчас выйдем, а вы, будьте так любезны, приведите друга в чувство и попытайтесь ему растолковать то, что поняли сами. Потом позовёте нас, мы будем снаружи.

И с этими словами гости, или хозяева, вышли. Юрка посмотрел на пузырьрёк. На этикетке он прочёл «NH₄OH». Химию он не любил и, к стыду своему, не знал. Поэтому предпочёл довериться обонянию. Поднеся открытый пузырьрёк к носу, фыркнул:

– Нашатырь!

Подумав некоторое время, сунул его под нос Сергею...

– Ну, понял наконец-то? – уже в третий раз спросил поэт художника.

– С трудом, честно говоря, – ответил тот.

– Но, если верить сказанному, то и я сейчас должен спать в автобусе?

– Ну, конечно! – обрадовался Юрка.

– Извини, я должен это увидеть сам, – Сергей встал и пошёл к двери.

– Не пугайся, там снаружи гости. Они тебе ничего плохого не сделают, – поспешил поэт предупредить

друга.

Тот задержался у двери, но всё же открыл её. Стараясь не смотреть на собравшихся на улице, почти побежал к автобусу.

– Ага! – с восторгом вскрикнул он. – Ага! Нет никого! Как ты это объяснишь? – разоблачающее спрашивал художник у подошедшего поэта.

– Несостыковочка! Нету меня тут, нету.

Неожиданно тучное небо треснуло по шву и в образовавшуюся прореху снова полился лунный свет. Под этим импровизированным фонарём ясно стал виден совершенно пустой автобус.

– Вот видишь! Нет меня. Это ты как объяснишь? – Сергей смотрел на Юрку снизу вверх, как дед Щукарь, задающий каверзный вопрос, на Макара Нагульнова.

– До чего ж полезительную ягоду Бог создал! – вдруг подошёл к автобусу толстяк. В его правой руке была зажата арбузная долька.

– Не правда ли? – впился он зубами в рубиновую мякоть.

– Не хотите ли? – протянул Савватеич Сергею зелёно-красную, сочащуюся соком дольку.

Тот вдруг рванулся в сторону сортира и чуть не сшиб «добряка» с ног.

На ходу расстегнув штаны, художник рванул на себя зелёную дверь и...

Справляя нужду прямо на деревянный пол туалета, Сергей широко раскрытыми глазами смотрел себе в лицо. А лицо одним глазом, находящимся на уровне ромбика, вырезанного в двери, смотрело на него.

Глава 11

Беседа с Ангелом

Свеча, освещающая всё происходящее в комнате, расплавилась почти на треть. В ней находилось десять бодрствующих постояльцев и двое спящих, расположившихся кто где. Третий спящий, стыдно сказать, был в туалете. Положив руки на стол, Иван Савватеевич терпеливо продолжал, начав с самого начала, объяснять поэту и художнику суть происходящего:

– Ну, так вот. Создал Господь Бог вовсе не один мир, – он запнулся и продолжил. – Нет, мир Он создал, конечно, один, но не однородный, а... Как бы понятнее объяснить? Как апельсин. И состоит мир из нескольких долек, очень похожих друг на друга, а всё-таки отдельных. И каждую из долек Он заселил Своими подобиями. Так и жили мы – подобия, каждый в своей дольке, и сквозь тонкую плёнку проникнуть друг к другу не могли.

– А! Это параллельные миры, о которых фантасты пишут? – Влез в разговор художник.

Толстяк поморщился, но продолжил:

– Миры, измерения, дольки. Какая разница? Не перебивайте меня, пожалуйста, у нас совсем нету

времени. На чём я остановился? Ах, да! Проникнуть мы друг к другу не могли, пока кое-что не произошло. А произошло вот что. Вы, конечно же, были на нашем старом маяке?

– Побойтесь Бога! – удивился поэт. – Я-то как там мог быть?

– Извините, дорогой Юрий Витальевич, – поспешил исправить ошибку рассказчик, – не подумал. Хотя теперь уж, могу вас заверить, побываете. А Сергей Евгеньевич, – улыбнулся он художнику, – были.

Художник утвердительно кивнул:

– Бывал. Занятное сооружение.

– Вот видите. И мы так считаем. Это, по крайней мере, моё любимое место для прогулок, – и помедлив секунду, вздохнул, – было.

Юрке вдруг показалось, что Иван Савватеевич смотрит куда-то сквозь них влажными глазами.

– С юных лет я со сверстниками к маяку бегал.

Тогда он ещё работал. И моряк – смотритель маяка – тоже работал. Чёрные усы моряка всегда взмывали вверх под носом с горбинкой, когда он улыбался. А улыбался он всегда, видя нас, тогда ещё мальчишек, скачущих вокруг и канючащих:

– Дядя Амаяк, пусти нас на маяк! Дядя Амаяк, пусти нас на маяк!

И это созвучие имени смотрителя с маяком создавало уверенность в том, что они родственники – два высоких, стройных брата с горящими глазами. Днём маяк не горел. Но мне всегда нравилось в любую погоду, забежав за берёзы к самому краю, кричать:

– Здравствуй, Байкал!

И озеро всегда отвечало мне: ветром штормовым, гудками пароходов или просто криками чаек. Мне казалось, что я вместе с ними, с чайками, парю над Байкалом, над прибрежными посёлками, над портовыми бухтами, над плывущими кораблями.

А иногда, когда мы забывали про время и дожидались сумерек, рискуя быть выпоротыми родителями, маяк зажигался. И мы забывали о наказании! Сгустившийся мрак вдруг протыкался ярчайшим лучом света, как чёрная тряпка в маминых руках протыкалась серебристой иглой, тянущей за собой светлую нить. Луч, уткнувшись светлым носом в иссиня-чёрную поверхность, с упорством ищейки начинал метаться в разные стороны, пока не отыскивал в бездонном мраке какое-нибудь судёнышко. И оно, радостно взвизгнув гудком, мчалось к родному берегу...

– Слышь, главный, – забасил вдруг гражданин в морской фуражке и чёрном бушлате, – давай ближе к делу. Сам же говорил, что склянки вот-вот пробьют.

– Да, да! Спасибо, капитан! Извини, – спохватился оратор, – я продолжу. Так вот. Это уже произошло, как я в пору вошёл. Со Стешенькой, половиной моей, мы, почитай, о ту пору годков двадцать пять душа в душу прожили. И сынку нашему сейчас столько же было бы. Пропали они, сгинули на маяке этом

злосчастном, будто и не было их вовсе. И стали люди пропадать. За грибами, к примеру, пойдут – и всё. Ни грибов, ни грибников, ни лукошек. А маяк не работает давно, и спросить, значит, не с кого. Беда! Горевал я очень, даже в вино ударился. Да, слава Богу, одумался! Храм у нас тут недалече. «Преображения Господня» назвали. Вот и пошёл туда Бога о помощи просить. Молитва, она всякие чудеса может сотворить. Я в те дни и не выходил из церкви, молился беспрестанно. Домой только спать ходил. И услышал меня Господь-то! Однажды спал я, а Он и явился мне. Весь в белом, нимб над головой. Лица увидеть невозможно – глаза слепит. Светом своим обнял меня, как чадо собственное, и говорит:

– По молитвам твоим и воздастся тебе, раб Божий. По молитвам твоим и воздастся.

Я пал ниц и глаза боюсь поднять, да что глаза – вздохнуть робею. А он мне:

– Встань, Иван! Пострадал ты незаслуженно, а не возроптал. Молитвой утешался и Господа радовал. Вот и послал Господь ангела своего к тебе с утешениями и разъяснениями.

Услышал я, что не Бог передо мною, и глаза открыть осмелился. Как на иконе, Архангел Михаил крылья поднял и смотрит на меня ласково так. Весь страх исчез куда-то.

– Михаил-архангел, – говорю ему, – защити мя и помоги! Прости прегрешения мои вольные и невольные.

А он мне:

– Нет, не Михаил я, – пониже рангом, из ангелов-хранителей. Да и имя моё тебе ни о чём не скажет. Но все мы у Господа на службе. Когда дошли до Него просьбы твои, я под дланью Его оказался. Велел Он лететь к тебе и вот что сказать, Иван. Живы родные твои, но... – и просветил меня о сотворении мира, как и я вас теперь. А потом продолжил:

– К несчастью всегда найдётся тот, кто не верит в Бога, но во всём старается превзойти Его, возвыситься над Всевышним.

– Как Сатана, – снова влез художник.

– Как Лукавый, – согласился Иван Савватеевич. – Я рад, дорогой Сергей, – и замаялся.

Художник понял причину заминки и пришёл на помощь:

– Евгеньевич! Сергей Евгеньевич!

– Я рад, дорогой Сергей Евгеньевич, что мы находим общий язык.

Сергей удовлетворённо кивнул и победоносно посмотрел по сторонам. А Савватеевич продолжил вопросом:

– Так о чём это я? Ах, да! Ангел продолжал разговор со мной. Глаза его погрустнели, когда он говорил мне о презревших Отца своего:

– Так вот, Ваня, – отёр ангел крылом лик святой, – говорили мы с тобой, что мир апельсину подобен. Кстати, это ничего, что я тебя Ваней зову? Не фамильярно?

– Да что вы, – говорю. – Я только горжусь этим.

– Осторожней с гордыней, Иван, – осёк меня ангел. – Гордыня – мать грехов. Не забывай об этом. В дольке апельсиновой, той, которая рядом с вашей оказалась, гордыня всех и сгубила. Одарил их Господь жаждой познания и разумом светлым. Ну и, как всем, право выбора дал. А они?! Забыли, кому обязаны всем тем, что познали и чего добились. Пространства космоса им покорились, глубины океанские. Открыл Всевышний чадам своим возлюбленным и микромиры, вложил в них искусств тонких тайны. Берите, себе во благо используйте. Нет границ у любви Его! Но у спеси и самовозторания тоже границ не оказалось. И у глупости, конечно же.

Ангел вздохнул и продолжил, но уже сердито:

– И чего Он всё им спускает?

Затем, подумав немного, сложил молитвенно крылья:

– Прости, Господи!

Он прикрыл глаза и помолчал несколько секунд, будто прислушивался к чему-то. Но, видно, ничего не услышав или, напротив, услышав что-то, решил продолжить:

– Возгордились Его подобия. Сначала возвысили себя над Богом, а затем и вовсе отказались в Него верить.

Ангел для чего-то оглянулся по сторонам:

– А Старик всё верил в них, всё надеялся на что-то.

Даже решил им тайну параллельных миров или долек апельсиновых открыть. Сделал на время перегородку между мирами односторонне-прозрачной. Думал, посмотрят на жизнь других созданий Божьих, на веру истинную и проникнутся, опомнятся. А вышло-то всё наоборот. Они тут же и это открытие себе приписали. И самое неприятное, что, по-моему, и здесь Лукавый встрял. Чем ещё объяснить, что этим безбожникам удалось найти способ проникать из своей апельсиновой дольки в вашу и обратно к себе? Для этого они умудрились старый маяк использовать как иголку от шприца, проткнув ею плёнку между соседними измерениями. Посмотреть-то на веру вашу соседи посмотрели, да не опомнились, а решили вас от веры «спасти». А как? А через близких людей. Вот и стали родственников ваших, тех, что оказывались у маяка во время их проникновения, похищать и к себе перетаскивать. Помещая их в определённые атеистические центры, рассчитывают их в свою веру или, точнее, безверие обратить, чтоб потом вернуть назад. А методы убеждения в этих центрах такие, что трудно будет после них что-либо изменить.

Савватейч замолчал и закашлялся. Продавщица сувениров тут же подала ему ковш с водой. Тот, взяв его двумя руками, с жадностью начал пить, запрокинув голову так, что стал хорошо виден двигающийся кадык. Сделав несколько глотков, он вернул ковш продавщице:

– Спасибо, Людочка!

Отерев тыльной стороной ладони полные губы, продолжил:

– А что же Господь ничего не делает? – вырвалось у меня. – Ведь Он же всемогущ? Или нет?

Ангел вдруг сказал сердито:

– Не богохульствуй и не суди! Что ты можешь понимать?! А зачем Он меня послал, по-твоему? Господь вам всем право выбора дал. И если заберёт его у кого-то, то и всех остальных придётся лишить. Несправедливо? То-то же. А Бог есть любовь и высшая справедливость.

С этими словами ангел достал откуда-то белый квадратик, перекрестился и поцеловал его.

– Так что надо будет вам самим постараться. Вы равны и вольны сопротивляться агрессии. А Высшие силы не оставят вас. Вот, держите.

Он положил к моим ногам большую картонную коробку. Даже не положил, а только вытянул крыло в моём направлении, и коробка оказалась возле меня.

– Это волшебные конфеты. С их помощью вы сможете проникать к соседям. Причём, как с той, так и с другой стороны своей дольки. Стоит съесть одну конфету, подумав при этом, куда хочешь попасть – в правое измерение или в левое, как там и окажешься. Ну, вернее, окажется одно из твоих «Я». Какое именно – неизвестно. Поэтому лучше перемещаться хорошему человеку, чтобы поменьше в нём плохого было. А через три часа «Я» вернётся обратно, если, конечно, с ним ничего за это время не случится. Всё. С остальным уж сами как-нибудь разберётесь. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – решил я, – есть просьба.

– Слушаю.

– А нельзя ли мне хоть краем глаза на Господа Бога посмотреть, вдохновиться Его ликом святым перед тем, как по измерениям прыгать?

Ангел развёл крыльями:

– Рано тебе ещё туда, – но, увидев моё расстроенное лицо, смягчился.

– Ладно, уж. Смотри, – достал он белый квадратик, – наше совместное фото. Но никому не рассказывай потом, как Он выглядит. Пусть каждый будет видеть Его по-своему.

Вот тогда я и увидел Бога. А ангел, спрятав снимок, сказал:

– Берегите свои «Я». У вас их немного.

Затем, взмахнув крыльями, он взмыл в небо. Я пытался разглядеть его, но солнце ослепило меня.

Иван Савватеевич откашлялся и облегчённо вздохнул.

– Ну вот, основное рассказал. Надеюсь, понятно? – обратился он к Юрке и Сергею.

– Понятно, – коротко ответил поэт.

– Невероятно! – выдохнул художник.

– Но дальше-то что? Мы-то тут при чём и почему здесь оказались?

А капитан постучал пальцем по часам:

– Слякки, Ваня, слякки!

И рассказчик продолжил:

– Все мы уже побывали в вашем мире и встречались с вами. Не со всеми, правда. Вам, уважаемый Юрий Витальевич, наша Людочка знакома. Не правда ли?

Поэт согласно кивнул.

– А с вами, дорогой Сергей Евгеньевич, дядя Акинфий разговаривал, рыбачок наш.

Художник удовлетворённо поздоровался с приподнявшимся ночным рыбаком. А потом вдруг вытянул палец в сторону мужчины в жилетке гаишника:

– Его я тоже помню. Он нас на дороге тормозил.

– Хорошая память. Хи-хи, – улыбнулся тот, – Фёдор, с вашего позволения.

Иван Савватеевич повторил:

– Я же и говорю, все присутствующие с вами уже встречались.

– А что же вы там с нами не поговорили, не объяснили ничего? – задал Юрка напрашивавшийся вопрос.

– А вы бы нам поверили? – спросила Людочка.

Поэт задумался и ответил честно:

– Вряд ли.

– А сейчас верите? – почему-то хихикнул гаишник Фёдор.

– Верим, – одновременно ответили поэт и художник и для надёжности кивнули головами.

Глава 12

Точки над і

– Нас было больше. Тех, кто вступил в борьбу, – снова заговорил Иван Савватеевич, растёгивая пуговицы пиджака на животе. – И все рвались в бой, все мечтали поскорее отправиться в чужое измерение, спасти похищенных близких. И не было страха. Была радость, что кончилась эта мучительная неизвестность. Каждый был уверен, что теперь-то всё уже позади и скоро он обнимет родных своих, и накроются столы, и зазвучит смех. Ведь у нас были волшебные конфеты – ключи от невольничьих казематов. Меня сразу же избрали главным как принесшего благую весть, как доверенное лицо самого Господа нашего Бога. И я, осознавая степень возложенной на меня ответственности, пытался уговорить их всех не бросаться вперёд сломя голову:

– Давайте для начала ограничимся разведкой, – взывал я к собравшимся.

– Ведь у нас уже пятьсот лет не было конфликтов, ни глобальных, ни локальных. Мы привыкли жить в мире и согласии. И настоящих бойцов у нас поэтому нет. А враги наши, по словам ангела, хитры и опытны в коварстве. К тому же они безбожники и у них нет ничего святого.

Со мною согласились. Но как-то подозрительно при этом отводили глаза в сторону. Если бы я тогда обратил на это внимание! Если бы обратил!

В тот же день мы решились на вылазку. Мы – это все находящиеся здесь. Так уж вышло, что первую десятку разведчиков выбрал обыкновенный жребий. Только я как избранный главным избежал его. Нас согрела надежда найти хоть кого-то из наших

и, если повезёт, помочь как-нибудь им вернуться назад. Не было никаких гарантий на успех, но ничего не делать мы уже не могли. Итак, укрывшись в берёзах недалеко от маяка, чтобы наши спящие беспомощные тела нелегко было обнаружить, я, Глафира Северьяновна, капитан, Владимир Юрьевич, профессор, Людочка, Никаноровна, дядя Акинфий, инженер и Фёдор легли на траву и, открыв ящик с конфетами, приготвились ко сну. Маяк был в зоне прямой видимости, и мы надеялись, что конфеты подействуют.

– Прощайте на всякий случай, – обратился я к остающимся.

– Стерегите наши тела, чтоб нам было куда вернуться.

Мы взяли по конфете, разжевали их и, закрыв глаза, пожелали отправиться к пропавшим...

Открыв глаза, я увидел совсем недалеко старый маяк. Вокруг шелестели листьями берёзы, на траве, лёжа в различных позах, посапывали и похрапывали мои спутники. «Ничего не произошло, – понял я. – Видно, расстояние до маяка превышает допустимое». Приподнявшись на локте, я позвал близлежащего ко мне. Им оказался профессор Лобанов. Он был, наверное, самым ценным членом нашей экспедиции. Являясь преподавателем психологии в местном университете, именно он лучше всех мог бы при необходимости провести переговоры с противником или вселить уверенность в соратников. Была у него и ещё одна замечательная способность. Профессор мог заразительно хохотать, заставляя окружающих лопататься от смеха.

Вдруг Лобанов открыл глаза, скосил их в мою сторону и засмеялся, а потом сел. Тут уж мне стало не до смеха – профессор раздвоился. То есть одна половина его туловища сидела, опираясь руками о землю, а другая осталась лежать на ней. Постепенно все проснулись и раздвоились. Я сам был не совсем в себе, точнее, совсем не в себе. Это был наш первый, неоценимый опыт перемещения. В тот раз нам удалось немало. Ну, во-первых, мы провели ознакомительную экскурсию и были приятно удивлены тем, что и в нашем мире, и здесь было всё одинаково. Байкал, окружённый со всех сторон сопками, точно такими же, как и у нас, посёлки те же, разве что немного с другими домами и инфраструктурой. А главное – язык! Мы разговаривали с похитителями на одном языке. Подбирая на улицах обрывки газет и журналов, мы несли с собой информацию, быть может, способную многое нам пояснить о происходящем. Даже одеждой своей мы не особенно выделялись. Правда, какое-то беспокойство на лицах у местных разительно выделяло нас. К счастью, никому не было до нас дела. Мимо часто проезжали полицейские машины и проходили военизированные патрули. Мы тоже старались поменьше разговаривать и вертеть головами, чтобы поменьше выделяться. Но любопытство иногда брало верх, особенно над нашими женщинами. И, в конце концов, один из

патрулей обратился на нас внимание.

– Эй, вы! – прозвучало оглушающе, как выстрел.

Не знаю, что привлекло к нам внимание уже прошедшего мимо патруля, да это было и не важно. «Всё! Провал!» – пронеслось в голове. Всех нас будто цепями сковало. И неподъёмная их тяжесть не давала сделать даже один шаг. «Беги! Прыгай в сторону и беги!» – подленькая мыслишка заметалась в мозгу. А что же было в головах у наших спутниц? Не знаю. Но, к счастью, никто не побежал.

– Вы что это? – лязгнуло у нас за спинами. – А ну, стоять!

Но на самом деле исполнение этого приказа было невозможно, так как мы застыли в оцепенении уже после «Эй, вы!» И это оцепенение явно затягивалось.

– Ну вот, я же говорил! Я же вас предупреждал! Ах-ха-ха! – вдруг затрясся от смеха профессор Лобанов.

Повернувшись, с очаровательной улыбкой на физиономии и пристально глядя в прищуренные глаза начальника патруля, профессор не прекращал разговаривать:

– Я же им говорил, гражданин начальник, – размахивая руками и постоянно жестикулируя, направился он навстречу военным, при этом загадочно кому-то подмигивая. – Не надо дёргать тигра за усы, особенно когда он голоден. Правда же, дорогой мой? А вы же за целый день, я уверен, не отдохали ни разу. Всё о государстве печётесь, о нас, недостойных. Даже поесть времени нет. А мы тут ходим без дела, внимание на себя отвлекаем. А нарушители тем временем незамеченно могут проникнуть. И что тогда? Кто тогда виноват? Что тогда делать? Но, с другой стороны, у вас же и своих проблем немерено. Их кто решит? Мы? Нет, это вы наши проблемы готовы устранить. А мы вам и не поможем ни здоровье поправить, ни жалованье поднять. Только от дел отвлекаем. Вы уж нас извините. Больше не повторится, смею вас заверить. Мы тихонько. Можно идти?

Патруль в полном своём составе застыл, глядя в глаза Лобанова, как кролик в глаза удава. И только начальник патруля козырнул профессору и выдавил:

– Можете идти.

А тот, не переставая улыбаться, вернулся к нам:

– Пошли. Они о нас уже не помнят.

Я только и смог сказать:

– Здорово! Это гипноз?

– Ну что вы. Всё проще, – пояснил профессор.

– Знание человеческой психологии отягощает жизнь, дорогие мои. Но умение им пользоваться делают её легче.

Речь его вдруг прервала сирена. Мы уже были рядом с маяком, и срок возможного пребывания в чужом мире наших «Я» подходил к краю. Необходимо было поспешить к оставленным в берёзовой роще проекциям наших тел.

– Внимание! Проникновение из соседнего измерения! Внимание! Проникновение! – голос

из рупора, установленного на маяке, перекрыл вой sireны.

Военные патрули со всех сторон устремились на голос. Нас снова охватила паника. Мы бегом бросились к берёзам. Наши проекции оказались на месте. И мы, приняв их позы, отключились...

– Просыпайтесь! Просыпайтесь! – донеслось извне.

Постепенно приходя в себя, мы поднимались на руках и оглядывались. Вокруг трепетали родные берёзки. Все уже проснулись, но не раздвоились. Мы были дома. Вокруг нас бегали наши земляки и взволнованно что-то пытались нам сказать.

Сознание медленно, но возвращалось. И вместе с ним пришло осознание случившейся беды. Отправив нас, несколько глупцов стали настаивать на том, чтобы отправиться вслед за нами.

– А вдруг у них не получится? Вон как далеко от маяка улеглись! Расстояния действия конфет может не хватить.

К сожалению, некому было их остановить, и, разлётшись у самого маяка, они съели конфеты. Ну и «там», естественно, оказались тоже у маяка, прямо на глазах у его охраны. Конечно, причинить какой-либо вред та им не могла, так как в другой дольке их «Я» успели отделиться от проекций тел и уйти. А сами проекции были не материальны. Но быстро поняв, что к чему, десант «оттуда» сделал вылазку в наше измерение и унёс с собой тела, лежащие у маяка. И «Я» бедняг были вынуждены возвращаться уже в пленённые тела. Так они и пропали, глупцы.

– Савватеич! Ну не тяни ты! – не выдержал на этот раз дядя Акинфий, смотря на часы.

– Да я стараюсь. Но согласитесь, что гостям нашим надо знать, с чем придётся иметь дело, – парировал толстяк и продолжил: – Ну, если в общих чертах, то нам пришлось заварить дверь на маяк, дабы материальные тела наших противников не могли свободно проникать к нам. А наш инженер Андрей Николаевич придумал сделать это так, чтобы при попытке проделать новое отверстие в маяке тот непременно должен был обрушиться, и проход между нами и соседями-безбожниками был бы навсегда уничтожен. Вы, конечно, можете спросить нас, почему же мы так и не поступили. Но не забывайте, что там остаются наши близкие и пленённые глупцы, которые сломя голову погнались за нами. А наши тела, в отличие от наших «Я», с помощью конфет не переместить. В поисках выхода мы продолжали наши вылазки. Но теперь разъярённые «соседи» устраивали за нами охоту. И не всегда нашим «Я» удавалось вернуться полным составом в свои тела. И чем меньше их оставалось в телах, тем больше уменьшались сами тела. Так мы потеряли уже профессора Лобанова, а Андрея Николаевича, нашего инженера, запросто можно спутать с его же собственной тенью. Да и кое-кто ещё поумniejszyлся, – Иван Савватеевич мельком взглянул на Людочку и Никаноровну.

Вдруг Юрка, молча слушавший оратора, поднял

руку.

– Я слушаю вас, Юрий Витальевич, – сказал Иван Савватеевич и выжидательно замолчал.

Поэт кашлянул в руку и заговорил:

– Я, конечно, извиняюсь, но, как любит говорить наш дорогой Сергей Евгеньевич, – Юрка повёл рукой в сторону художника, – несостыковочка. Если нас с ним в вашем измерении двое, тогда почему проекции три: моя, его и Лидина? Ведь её самой здесь нет. А?

Толстяк в кримплене растерялся. Это стало понятно по его затянувшемуся молчанию и поискам взглядом кого-нибудь, кто смог бы это объяснить ему самому. Но такого не находилось, и пришлось отвечать без подсказки:

– Вы, уважаемый Юрий Витальевич, скорее всего не поверите мне. Но я и сам теряюсь в догадках. Я могу лишь предположить, что ваша любовь превратила вас в одно целое и неделимое. Может быть, поэтому проекция вашей милой не смогла оставить вас одного. Я такое встречаю впервые, можете мне поверить.

Иван Савватеевич взглянул на часы, висевшие в этом измерении над лежаком поэта, и заторопился:

– Времени остаётся действительно мало. Разрешите, я продолжу. Так вот. Мы, запечатав вход в наше измерение, сами с помощью конфет продолжали искать выход из положения, раз за разом отправляясь в опасные вылазки. И с каждым разом это становилось всё тяжелее. Нам даже иногда удавалось встретиться с родными. Но они почему-то ни разу не узнали нас. И вот однажды нам повезло. Дело в том, что во власти у «соседей» находятся два брата. Оба они уже преклонного возраста и, может, из-за этого очень уж себялюбивы. Но дело ещё и в том, что они талантливы в искусстве. А там у себя и вовсе считаются гениями. Один брат в написании картин прославился, а другой – в сочинительстве стихотворений неподражаем. И устраиваются у них каждый год, в определённом смысле, состязания. Брат-художник свои картины выставляет и других с выставками приглашает. А брат-поэт чтения устраивает поэтические. И настолько они уверены в своей гениальности, что тем, кто их превзойдёт, обещают власть отдать. Даже законодательно это закрепили. Только вот тех, кто им проигрывал, никто больше не встречал. И с годами поубавилось-то желающих. В этом году вообще никого не нашлось. Да и среди наших, сколько я ни искал, нет их достойных. Думал я, думал и придумал. Конфеты-то в обе стороны могут перемещать. Почему бы мне в соседнюю дольку, что с другой стороны от нас, не переместиться? Может, там есть то, что мне необходимо? Так и сделал. Сначала один к вам отправился. Лёг, как всегда, в берёзовой роще и съел конфету. С вашей стороны маяк свободен, ни охраны, ни камер наблюдения, ни просто зевак. Перемещайся, сколько душе угодно. И что замечательно, с вами мы тоже на одном языке общаемся. Видно, Господь специально так придумал. А главное, люди у вас весёлые и доброжелательные. Моё «Я» у вас даже подружилось кое с кем. Я и по

Байкалу вашему на пароме плавал, поначалу зайцем, правда. В Листвянке был в гостях у священника отца Анатолия. Он мне книжечку показал – сборник стихов одного поэта, тоже бывшего у него в гостях. Я только его читать начал, так сразу и понял: это то, что надо. Обрадовался, но вида не показываю. Осторожно, боясь удачу спугнуть, спрашиваю: «Батюшка! А нет ли у вас на примете и художника хорошего? Очень уж люблю изобразительное искусство».

А он мне и отвечает, что хорошего нет, а есть гениальный. Они вместе с Братским настоятелем отцом Андреем и поэтом были здесь проездом. Так вот, поэт всё время и говорил сидящему с ним рядом мужчине: «Я, брат, поэт хороший, а ты, брат, художник гениальный!»

Узнал я у отца Анатолия, как их, ну, то есть вас, найти, и обратно вернулся. А тут уж мы все вместе принимали решение. И постановили сделать всё, чтоб вы приехали сюда. Это, конечно, было непросто. Правда, повезло нам, что вы все дружны между собой. Случайно узнали, что Лида, супруга ваша – Савватеевич посмотрел на Юрку, – в больницу пошла в поисках фониатра. Приодели Людочку нашу врачом. Та, будто случайно, сказала Лиде, что хорошего фониатра только в Иркутске можно сыскать. Кстати, это истинная правда. Ну, а дальше всё и завертелось. Мы до последнего не были уверены в успехе. Вот и следили за вами на протяжении всего пути. Поверьте, это было совсем не просто. Но, слава Богу, всё вышло. Ну, вот. Вкратце я постарался вам всё объяснить. А теперь пришла пора расставить все точки над i...

Глава 13

Откуда ноги растут

Свет в комнате сначала отлетел от стен, на которые тут же стали вползать тени. Тьма своими холодными кистями начала сжимать слабое свечение всё сильнее и сильнее. Вот уже лица слушающих растворились в темноте. И лицо говорящего тоже готово было вот-вот погаснуть вместе с едва мерцающим огоньком прогоревшего свечного фитиля.

– Ну, вот. Уже почти три часа прошло, – вдруг спохватился Иван Савватеевич.

Он достал ещё одну свечу и поднёс её к лунному свету. Та немедленно отозвалась крохотным, но всё более разгорающимся пламенем. И вот уже снова тьма трусливо забила в щели.

– Ну, что? – отирая вспотевшие шею и лоб, выжидающе глядел мужчина на поэта и художника.

– Теперь, когда я раскрыл перед вами все карты, что скажете?

– Как это у вас получается? – вместо ответа спросил Юрка.

– Что, извините? – не понял Иван Савватеевич и устался на поэта.

– Не могу понять, как вы от лунного света свечу зажигаете? Волшебство, да и только, – пояснил

Юрка.

– При чём тут волшебство? – удивился толстяк, снова пытаясь застегнуть пуговицы пиджака на полном животе.

– Просто фитиль свечи состоит из состава самовоспламеняющегося именно от лунного, определённой длины волны, света. А от солнца его не зажечь. Да и зачем днём нужна свеча, правда?

– Правда, – Юрка кивнул и добавил, – просто.

– А насчёт карт? Не так просто. Правда, Серёга? – поэт посмотрел на художника, явно ожидая от него поддержки.

И тот согласно закивал:

– Конечно! Это как без сватовства да под венец, неожиданно как-то. Тут подумать не мешало бы, посоветаться.

– Так в чём же дело? Посоветуйтесь, конечно. Только побыстрее бы, – Иван Савватеевич нервно кинул взгляд на часы.

– Ну, так нам бы посоветаться, – многозначительно повторил поэт.

– А! – понял толстяк и, направившись к двери, открыл её.

– Давайте, друзья, на улицу, – призвал он собравшихся в комнате.

Когда все вышли, Савватеевич, достав что-то из кармана, обратился к Юрке и Сергею:

– Вот, – положил он на стол две большие конфеты, на зелёно-синих обёртках которых золотом было вытеснено «Волшебные». – Вот. Времени уже не осталось. Действие конфет подходит к концу. Сейчас я выйду. Если вы примете отрицательное решение, то, боюсь, мы уже не увидимся. Прощайте на всякий случай. Но если всё-таки в вас преобладают жажда приключений и стремление к справедливости, не тяните – ешьте конфеты. И я с огромным удовольствием снова поприветствую вас.

И с этими словами вышел.

Юрка на цыпочках подкрался к двери и приоткрыл её ровно на столько, чтобы с улицы это осталось незамеченным, а сама улица была видна. Все вышедшие разговаривали о чём-то метрах в пятидесяти от дома. Поэт прикрыл дверь и, вернувшись к столу, заговорил с художником:

– Ну, и что будем делать? Мне до сих пор кажется, что это сон. Хотя в этом сне я на стороне этих чудиков. А ты?

– А моё «Я», – ответил Сергей, – что-то сомневается. Ну, сам подумай. Кто даст гарантию, что мы с тобой лучше этих двух братьев? А ты слышал, как толстяк сделал акцент на том, что проигравших-то им никто больше никогда и не видел.

Юрка хмыкнул:

– Это не самое неприятное. Мы-то не пропадём. Ну, в крайнем случае, потеряем по одному «Я». Меня другое заставляет задуматься. Ну, предположим, мы согласимся на этот «поединок» и пусть даже окажемся лучше братьев. Как-то одолевают меня сомнения в их порядочности. Если им совесть позволяет людей похищать, почему ей не позволить им данное слово

взять и не держать?

– Ещё не факт, что с ними, с братьями этими, вообще удастся о чём-либо договориться, – поддакнул художник. – Да и пока мы тут мучаемся сомнениями, действие конфет кончится, – добавил он. – И всё само собой разрешится, и мы ни при чём, – он торжествующе поднял палец вверх.

– А если эта братия, – задумчиво произнёс поэт, – и к нам в гости пожалует, – он взялся за подбородок, – если мы их сейчас не попытаемся остановить?

– Так эти же, которые хозяева здесь, – попытался возразить Сергей, – говорили, что проникать можно только в соседние измерения. А мы их соседям таковыми не являемся.

– Это они нам про конфеты, – уточнил Юрка, – говорили. А похитители к ним с помощью науки проникли. Ты уверен, что эти «ботаны» так же и к нам не попадут? Ладно, давай уже решаться на что-то. Кстати! Хочу тебе напомнить, что моя-то проекция тут, на лежаке. А тебе, если что, в туалет к своей бежать.

Художник молча взял со стола конфету...

– Доброе утро, Сей Сеич! Как почивали? – смеялись серые глаза из-под рыжих бровей на сморщенном лбу. Забавный старичок в потёртой тельняшке и солдатских кальсонах, с коротенькой седенькой бородкой и паклей пепельных волос по краямлысойголовойоченьнапоминалдомового.Седые с рыжиной усы топорщились под картофельным носом, над лодочкой ехидной улыбочки. Зная, как брат не переваривает его фамильярности, Виктор Алексеевич уже в который раз наслаждался его кислой миной.

– Виктор! Вы же знаете, что меня зовут Алексеем. И отчество у нас с вами одинаковое. И эта наигранная простота не делает вам чести. Что за шутовской наряд? Мы же с вами государственные лица. Будьте добры прилично одеться, выходя из спальни. Вас могут увидеть. Так и авторитет потерять недолго. А там и до свержения недалеко.

Сидящий в кресле старик был, как две капли воды, похож на своего брата в тельняшке и кальсонах. Но сам был одет в коричневый с отливом костюм и аккуратно причёсан. На его неприятно-строгом лице тоже были топорщившиеся усы с рыжиной. Но борода была немного длиннее или просто причёсанной. Старик был тщедушен, как и первый. И только в голосе его чувствовалась недюжинная сила.

– Ты, может, забыл, как мы сами власть узурпировали? Забыл, кем мы были? Сколько моего ораторского и поэтического гения пришлось вложить в подстрекательство и митинги? Забыл!?

– Забудешь, как же! – вдруг зло и с горечью ответил весельчак.

Всунув себя в помятые тёмные штаны и серый джемпер с орнаментом у плечей и на рукавах, он безуспешно пытался застегнуть молнию. Бросив это занятие, Виктор Алексеевич продолжил:

– Нет, Алексей Алексеевич, не забыл. А вот ты, наверное, запомнил, что это благодаря моим

художественным талантам мы и документами обзавелись, и листовками, предыдущую власть чернящими, разжились. И кем мы были, ты забыл. А хочешь, напомним? Мы были Виктором Алексеевичем Михайловым.

Алексей Алексеевич буквально посерел:

– Тише ты! Тише! Витя, услышать же могут. Тебе что, плохо, что ли? Ну, сам подумай! Здесь у нас всё есть: власть, деньги, почёт. Здесь ты гениальный художник, а я поэт. А кем мы были там? А там мы были, если ты забыл, старым спивающимся чудачком, пытающимся пропихнуть стишки свои в какую-нибудь газетёнку и расписывающим заборы и борты катеров никому не интересными рисунками.

Память мгновенно возвратила всё назад...

Улица Сакко и Ванцетти упёрлась в грунтовый перпендикуляр. Виктор Алексеевич, или как его снисходительно звали, Витёк повернул направо и быстрым шагом устремился вперёд. Он шёл от Ангары, где очередной раз «похулиганил». Хозяин «Казанки» будет немало удивлён, обнаружив на борту своей красавицы-лодки серебристого хариуса под золотой короной.

– Да плевать! – по-стариковски зло закашлялся Витёк, имея в виду последствия. – Я ему бесплатно лодку разрисовал. А он мне и сто грамм даром не нальёт, жмот.

В голове что-то взрывалось, и нутро всей своей массой пыталось вывалиться через узкую глотку.

– Господи! Что же пили вчера?

Согнувшись пополам, старик проревел:

– Не по-о-мню, Господи! Не дай сдохнуть, опохмели!

Но распрямившись, он вдруг отчётливо понял, что шансов на первое гораздо больше. Пенсия только послезавтра. Взаймы не дадут, сам бы себе не дал. И третьим не возьмут – глупо. Продать бы что. А что? Он вдруг усталился на кисть, торчавшую за поясом, и набор тюбиков с масляной краской. А кому? Сощурился стариковские глаза, попытался разглядеть название улицы на стене ближайшего дома. «Ермака» – беззвучно прошамкал он сухими губами. Номер дома не разглядел, да он был ему и не нужен. Виктор жил на улице Мира, около сгоревшей пожарной части. Много лет прожил он в Большой Речке, но здесь никогда не был. Толкнув ногой зелёную калитку, удивился, что та не заперта. Прошаркав через двор к крыльцу, поднялся по деревянным ступеням и нерешительно остановился у дверей. На двери было вырезано «Шаман».

– Что за чертовщина? – старик, было, повернул назад.

Но в голове при этом так завертелось, что он невольно опёрся плечом о дверь, и та будто провалилась вовнутрь. Споткнувшись о невысокий порог, Витёк упал на колени. Никто не вышел ему навстречу. На стенах веранды висели пучки каких-то трав. На прибитых полках стояли банки непонятно с чем. А прямо перед ним темнела пол-литра! Руки сами схватили её за холодное, узкое горло. Ноги

вынесли бедолагу на улицу и помчались в обратную сторону. Никто не гнался за ним, но остановился он лишь на другой улице.

– Некрасова, – разглядел Витёк её название. – Здорово! Скоро и на Мира выйду – обрадовался он...

Угли ещё пыхтели в горниле русской печи, бросая багровые отсветы на шесток с чугуном, в котором теплилась отварная картошка. Выдыхая последний дым через устье в хайло, печка будто посапывала сонно. Посапывал и Витёк, упав головой на сложенные на столе руки. Его курносый нос подрагивал, будто приносиваясь к чему-то. Вдруг старческая рука мужчины дёрнулась и зашарила по столу, почти сразу наткнувшись на то, что искала. Это была пустая уже бутылка тёмно-зелёного стекла. На её боку была приклеена бумажка с надписью чернильным карандашом: «ЗЕЛЬЕ». Витёк, не поднимая головы, обхватил стекло и дёрнул на себя. Не тут-то было, бутылка не сдвинулась и на сантиметр. Старик поднял отяжелевшую голову и испуганно вскрикнул. На стеклянном горлышке лежала жёлтая ладонь, пригвоздившая «ЗЕЛЬЕ» к столу. Витёк отдёрнул руку и с трудом задвигал сухим, прилипшим к нёбу, языком:

– Ты кто? Ты чё здесь?

– Шаман я, паря, – заговорил азиатской наружности человек в кожаной куртке с бубном через плечо. – Дурак ты, паря! Ой, дурак!

– Чё лаешься, гнида! Водки пожалел? – заныл перепуганный, но надеющийся на пощаду алкоголик. – А давай за знакомство. Правда, я на мели, но ты мне займи.

Шаман не ответил. Он лишь твердил:

– Ой, дурак, паря! Чё наделал? Ой, дурак!

– Не скули! Не хочешь водки, не надо. Ты как здесь оказался, морда чухонская? – осмелел Витёк. – Я ведь, – поднял он тощий кулачок, – если чё!

Шаман посмотрел на него, будто мешок картохи навалил, и сказал:

– По следу пришёл, да поздно. Теперь худо будет, ой, как худо! Ну, да не изменить уже ничего. Слушай, паря! Я уйду шас, а ты спать станешь.

Азиат перевернул бутылку, из которой не пролилось ни капли, качая головой:

– Проснёшься, паря, уже не здесь, не в наших землях. Далеко, однако, не в наших.

Заглянув в бутылочное горлышко, шаман продолжил:

– Не один проснёшься. Не бойся, паря. Может, и к лучшему оно. Здесь ты совсем чужой стал, паря. Спи.

С этими словами гость вышел, а хозяин провалился в темноту...

Виктор Алексеевич помотал головой, то же сделал и Алексей Алексеевич. Воспоминания были не из приятных. Пришлось вспомнить всё: и как они, проснувшись, впервые увидели друг друга, и как, в буквально смысле, наложили в штаны от испуга, прежде чем осознали, что являются одним человеком,

как потом привыкали к чужой жизни, как с помощью интриг и подлости пришли к власти. Первым снова заговорил Алексей Алексеевич:

– Вот видишь, брат, обратного пути у нас нет. Да и наука нам не поможет. Изобретателя «переместителя в пространстве», как ты помнишь, мы приказали сослать на каторгу. И теперь можем перемещаться только к соседям. А это тоже измерение не наше. Так что ничего уже не вернёшь, разве что сами на каторгу пойдём. Сам знаешь, народ – он долго разбираться не станет. Ведь прав я?

Виктор Алексеевич вздохнул горько:

– Чтоб тебе, с твоей правотой!

А потом улыбнулся ехидно:

– Сей Сеич...

Глава 14 ВЫЗОВ

Пот предательской струйкой стекал с виска. Иван Савватеевич явно не желал расставаться со своим «Я». Может, оно и не было столь масштабным, как он себе его представлял, но и копейка своя подороже рубля-то чужого будет. Да и сколько их в нём есть-то, этих «копеек»? А вдруг сам он и является одним, хоть и довольно упитанным, «Я»? К чести для него, мысль эта лишь мелькнула в голове, тут же сменившись другими, более важными.

– Я требую отвести меня к представителю вашего правительства! – как можно убедительнее пытался он донести до офицера сказанное. – Я являюсь официальным парламентаром и лицом неприкосновенным. Я добровольно сдался вашему патрулю, чтоб меня привели к вам, офицер. Сведения, которыми я располагаю, очень важны для вас!

– Ну. И что же это за сведения? – с какой-то усталостью и даже безразличием спросил офицер.

– Это не для вас лично, – уточнил пленник. – Хотя я думаю, что и вам будет польза, если вы скорейшим образом доставите меня к вашим правителям. Я даже уверен в этом. Вас непременно ожидает повышение и прочие благодарности за безупречную службу. Я лично буду настаивать на этом.

Эта ли хорошо замаскированная попытка карьерного подкупа или же нежелание возиться ещё с одним не представляющим для него лично никакой ценности пленным, сделали своё дело. Откинувшись на плетёном кресле, офицер вытянул руку и надавил на кнопку, встроенную в столешницу. Тут же в кабинет ввалился коренастый верзила в солдатской униформе.

– Увести! – гаркнул офицер...

Сидя в небольшой камере с негаснущей лампой под потолком, Иван Савватеевич сделал неожиданный вывод, что, даже находясь вне тела, собственное «Я» довольно чувствительно к укусам тюремных клопов.

– Слава Богу, конфеты не отобрали! – прошептал он, смотря на пустое запястье, на котором до обыска

были новенькие часы. Оставался шанс задержаться здесь. Надежда на встречу с правящими братьями-министрами ещё теплилась в душе. Теперь приходилось рассчитывать лишь на внутренние часы, ориентируясь во времени с поеданием очередной конфеты. А время в душном клоповнике текло совсем не так, как, например, на свежем воздухе. Спасаясь от изнуряющей духоты, узник снял пиджак и рубаху, оставшись в одной майке. Ужасно хотелось закрыть глаза, спасаясь от яркого света негаснущей лампы и забыться хотя бы в короткой дрёме. Но клопы и особенно давящая неизвестность гнали сон.

– Молодцы! – вздыхал Савватеевич, думая о поэте и художнике.

Когда, выждав на улице минут двадцать, он вместе с друзьями вернулся в избушку, гости были там. А на столе лежали две конфетные обёртки.

– Ладно, ладно, – поднял поэт руку, реагируя на неприкрытый восторг хозяев. – Это и в наших интересах тоже. Правда, Серёга? – привлёк он внимание к художнику.

Все повернули головы к нему, будто ожидали услышать что-то важное и необходимое.

– Так-то оно так, – поддакнул тот, – но теперь надо о красках подумать, кистях. Да и на чём писать-то придётся?

– Не волнуйтесь, не волнуйтесь! – заулыбался Иван Савватеевич. – Это уже наши проблемы.

– А как насчёт такой проблемы? – снова присоединился к разговору поэт. – Ну, мы остались. И, допустим, потягаемся в мастерстве с братьями. Допустим, даже выиграем. Но на всё это время уйдёт, может, и не часы, а дни. Нас же в нашем измерении хватятся, а мы здесь.

– Да кто ж вас хватится? – сделал удивлённое лицо Савватеевич. – Вы же никуда не пропадали. Вы спокойно отдыхаете в своём измерении, а здесь находятся только ваши «Я». Так что, друзья, не переживайте. Даже если вы и задержитесь тут ненадолго, по окончании действия конфеток достаточно будет соединиться с вашими проекциями и уснуть. А уж те сами найдут ваши тела.

Конечно, это было, в некотором смысле, лукавством. Он не стал говорить им о том, что «соседи» давно уже нашли способ удерживать пленённые «Я» в специальных магнитных камерах. А ещё о том, что эти самые «Я» просто напросто смертны. А зачем? Зачем ронять семена сомнения в почву страха? Скорее всего всё обойдётся уж как-нибудь. Иван Савватеевич почему-то вспомнил собственную проекцию, застывшую в ожидании его «Я» совсем недалеко от маяка. А что если им уже не соединиться? А что если мы проиграем или братья вовсе откажутся играть? Риск был велик. Пот бежал уже по всему телу, то ли от духоты, то ли от страха.

Заскрежетал дверной замок и в камеру ввалился приведший его сюда верзила:

– Чего разлётся? Пошли!

Иван Савватеевич подумал, что это «пошли» ничего хорошего не предвещает. Но, одевшись,

встал и вышел в коридор, вариантов-то не было. Поднимаясь вверх по лестничному пролёту, он вдруг подумал, что на расстрел в подвал повели бы, значит, не всё так плохо. И действительно, верзила привёл его обратно в кабинет к знакомому уже офицеру. А тот, улыбнувшись Ивану Савватеевичу, как старому приятелю, протянул ему его часы...

Алексей Алексеевич был весьма недоволен. Он уже не помнил, когда ему приходилось так рано покидать постель. Но что было делать? Таков был приказ, отданный им же всем своим офицерам: «В связи с военным положением при проникновении лазутчиков с сопредельной стороны, то бишь из параллельного измерения, сообщать об этом лично главнокомандующим в любое время суток». Такое решение Сей Сеич принял после блокирования «сепаратистами» прохода в старом маяке. Это слово «сепаратисты» оказалось самым удачным в данной ситуации. Никто здесь точно не понимал, что оно означает, включая и братьев-министров. Но это непонимание и вызывало в душах граждан страх и тревогу. А страх и тревога – неперемнная причина для повиновения лидеру, повиновения безусловного и безграничного. Конечно, при условии, что он, этот лидер, обеспечит покой и безопасность. Или хотя бы пообещает обеспечить. И всё было хорошо до недавнего времени, пока «сепаратисты» не стали безнаказанно проникать на их территорию и, втираясь в доверие к подданным, смущать их и призывать к неподчинению и смуте. А недавно так и вообще заблокировали портал для перехода в измерениях. Конечно, можно было бы сделать новый. Но главного его конструктора вместе со многими специалистами за вольнодумие и для большей секретности отправили на каторгу, где те благополучно и пропали. Алексей Алексеевич кожей чувствовал беду, слышал крамольные словечки в толпе, видел презрение в глазах офицеров госбезопасности. А тут ещё братец чудить начал, места себе никак не найдёт, вернуться хочет. Куда вернуться, как вернуться? Ему, может, и самому тут уже тошно, каждый день ждать. Ждать, когда позвонят и вызовут. Почему-то именно позвонят и вызовут. Почему?

– Виктор! Витька, просыпайся! – как-то неприлично пищал взволнованный главнокомандующий. – Вставай, бездельник! Никакой от тебя помощи, только деликатесы трескать да коньяки жрать! Дал же Бог братца, – перешёл он на тенор, сдёргивая с Виктора Алексеевича одеяло. Стойкое амбре вчерашнего коньяка ударило в нос.

– Какого?! Какого лешего тебе от меня надо в такую рань? – взъелся тот. – Опять, небось, какую-то мерзопакостину удумал, утра дожидаться не можешь? – зыркнул Виктор на брата.

И столько было ненависти в его взгляде, что Алексей Алексеевич стушевался и поспешил объясниться:

– Чё пялишься, непутёвинами зыркаешь? Не будил бы, кода б не приспичило. К нам парламентёра

прислали с той стороны. Да проснись же ты! – мешал он брату снова натянуть одеяло на голову...

Антон был профессионалом. Многолетняя служба офицером госбезопасности сделала его почти суперменом, так ему самому иногда казалось. Светлый «ёжик» на голове, очерченная, слегка выпирающая нижняя челюсть и голубые глаза делали его предметом возжелания многих особ противоположного пола. Но ничего лишнего Антон себе не позволял. Редкие шалости в борделе не в счёт. Понимая всю ответственность, возложенную на него государством, офицер привык подчиняться приказам. Поэтому он немедленно доложил наверх о случившемся, на самый верх – лично министру, согласно распоряжению. После непродолжительного молчания в трубке послышался неуверенный голос министра:

– С пленником, то есть с парламентёром, обращаться хорошо. Накормить и немедленно доставить его к нам.

Голос у министра точно был неуверенный, офицера госбезопасности это неприятно удивило. Антон давно не испытывал верноподданнических чувств к этим непонятно откуда взявшимся сморщенным близнецам. Что-то в них настораживало и даже отталкивало. Была бы его воля, он бы покопался в их мозгах. Но субординация и дисциплина – основополагающее звено в цепи правопорядка. Это внушалось с первых курсов училища. И поэтому офицер снова протянул руку к столешнице:

– Шпиона ко мне! – гаркнул он и, замывшись, выдал: – Поаккуратнее там с ним...

– Благодарю вас! – Иван Савватеевич благосклонно взял со стола чашку с дымящимся кофе.

Офицер подвинул к нему тарелку с бутербродами:

– Не стесняйтесь. Добрым гостям у нас всегда рады!

– Ещё раз благодарю! Непременно отмечу перед вашим начальством вашу ко мне любезность, – сам того не замечая, лебезил Иван Савватеевич.

Да и как не лебезить? Сейчас решалось, если не всё, то очень многое. Он понимал неискренность происходящего, но, боясь спугнуть удачу, подыгрывал офицеру. Выпив уже вторую кружку кофе и проглотив два бутерброда, парламентёр слащаво улыбался, глядя в голубые глаза, пристально его изучавшие из-под прищуренных век. Все мысли перепутались в голове и всё естество ждало.

– Спасибо! Но нас уже, наверное, ждут? – Само вырвалось из горла.

– Где ждут? Кто вам сказал, что ждут?

В голосе офицера послышалась сталь, и он приподнялся над столом. У Ивана Савватеевича перехватило дух и засосало под ложечкой.

«Неужели всё испортил?» – Побледнел он.

– Хотя, конечно, ждут, – сказал офицер, наслаждаясь испугом на лице парламентёра.

– Идёмте, – встал он из-за стола и любезно открыл дверь.

Алексей Алексеевич уже пожалел, что не отправил офицера сразу, побоялся оставаться с этим толстяком один на один. Лицо-то у него доброе. Да кто знает, что в голове? А с этого алкоголика, взглянул он на брата, толку чуть. Но если бы знать, о чём пойдёт речь. Теперь уже поздно, офицер всё слышал. Министр прекрасно знал, как к ним с братом относится народ, в том числе и армия, и служба безопасности – как к самозванцам. И будь хоть один повод их свергнуть – свергнут. Что же делать? А толстяк продолжал, каждым словом вбивая гвоздь в гроб их с Витькой благополучия:

– Уважаемые господа министры! Я ещё раз прошу вас обратить внимание на то, что это вами лично был издан указ, гарантирующий передачу власти лицам, кои сумеют превзойти вас в изобразительном и поэтическом искусствах. Мы готовы предоставить вам этих лиц. И заметьте, что мы не покушаемся на вашу власть. Нет, просто предлагаем вам, в случае проигрыша, вернуть всех захваченных вами в плен граждан нашего измерения, а также все пленённые вашими магнитными камерами «Я», опять-таки принадлежащие нашим гражданам и незаконно удерживаемые на вашей территории.

Иван Савватеевич не переставал удивляться своему красноречию. Откуда только что и бралось? Наверное, от отчаяния. Он вздохнул и выжидающе замолчал.

Алексей Алексеевич был растерян. Отказать парламентёру значило расписаться в собственной несостоятельности перед офицером госбезопасности, а следовательно, и перед всеми остальными. И вдруг его осенило. Необходимо выдвинуть ответные условия, невыполнимые для противоположной стороны. И всё. Если не они с братом откажутся от поединка, а парламентёр, то таким образом честь их не будет затронута и власть скорее всего тоже.

– Это понятно, – как-то даже торжественно начал свой ответ министр. – Теперь позвольте и нам выдвинуть свои условия. Ведь вот в чём дело. Дело это обоюдоострое. Что мы теряем в случае поражения, мы только что выслушали. Теперь давайте послушаем, что мы приобретаем в случае победы?

Иван Савватеевич напрягся:

– А что вы желаете?

– Мы желаем? – будто бы удивился Алексей Алексеевич. – Да нет же. Это вы желаете. А мы пытаемся по-соседски пойти вам на встречу. Мы не тюремщики, чтобы держаться за пленённых преступников.

– Почему преступников? – пытался протестовать парламентёр. Но его будто не услышали.

– Но если вы хотите устроить состязание, мы вынуждены выдвинуть и свои условия. Вы согласны?

Иван Савватеевич, осознав бессмысленность пререканий, кивнул.

– А наши условия будут таковы, – обрадовался министр податливости парламентёра. – В случае нашей победы вы разблокируете проход между нашими измерениями.

«Ага!» – мысленно обрадовался Иван Савватеевич. – Значит, другой проход они построить не могут. Ура!»

– Отказываетесь от возвращения пленных. И позволяете беспрепятственно, в любое время, проникать к вам. Это раз, – загнул министр палец на правой руке, видя, что противоположная сторона даже не напряглась.

– А два, это то, что те, кто нам проиграет, останутся у нас.

Иван Савватеевич побледнел, что не ускользнуло от внимания Алексея Алексеевича. Он ликовал, предвкушая отказ парламентёра. И вдруг, как гром с ясного неба, прозвучало:

– Мы согласны. Я, как лицо неприкосновенное, без конвоя немедленно возвращаюсь назад. Мы сейчас же приступим к разблокированию прохода и к двенадцати пополудни ждём вас у себя.

Министр хотел было отказаться от последнего условия, но увидел пристальный взгляд офицера госбезопасности и улыбку брата. Он замялся, а парламентёр козырнул и вышел.

Солнце робким утренним светом протискивалось между берёз и кралось к проекции Ивана Савватеевича, стараясь не потревожить засыпающего в ней хозяина...

Глава 15 Дед Михайло

Лида открыла глаза и улыбнулась. На притолоку дверного проёма вскочил солнечный зайчик. Тут же за ним сиганул второй, а потом и третий. Гоняясь друг за другом, оставляя следы крошечных лапок, они растапывали по комнате утро. Сев на кровати, Лида отёрнула занавеску, впусив потоки солнечного света в окно. Утро было ярким. У противоположной стены лицом вверх лежал её Юрка. «Ходил во сне», – подумала она, встав и подтянув носок, наполовину сползший с его правой ноги. Юрка дёрнул ногой, что-то забормотал и открыл глаза. Ещё секунду он будто не видел ничего, но, разглядев, наконец, Лиду, улыбнулся ей:

– Ты знаешь, какой мне сон интересный приснился, – сказал он, взяв её за руку. – Будто я попал...

Юрка вдруг осёкся, но продолжил:

– Впрочем, до обеда сны не рассказывают. Потом.

– Когда потом? Я до обеда уеду, – то ли удивилась, то ли возмутилась Лида.

– Ну, тогда потом, при встрече, – слукавил Юрка.

Он уже принял решение, никому об этом сне не рассказывать: во-первых, засмеют, а во-вторых,

слишком много ереси.

«Интересно будет на Серёгу-художника посмотреть. А что, если и ему что-то снилось?» – подумал Юрка и тут же забыл об этом.

А в соседнем доме уже давно все проснулись. Водитель первым делом отправился к автобусу, в котором находился художник. Тот еле открыл глаза и смотрел на Сергея с каким-то испугом.

– Что? Не выспался или приснилось что-то? – услышал он вопрос.

Выбравшись из спальника, художник замотал головой:

– Приснилось, – потом, подумав, – приснилось? Да нет. С чего ты взял? Просто вчера арбузом объелся, вот и гоняло всю ночь. А, кстати, – будто вспомнил он о чём-то, и засеменил в сторону сортира.

Взявшись осторожно за дверную ручку клозета, он потянул её на себя, готовясь к самому худшему. Но за дверью ничего не было.

– Приснилось, – вздохнул он облегчённо и закрыл за собой дверь.

Батюшка, сотворив утреннюю молитву, спускался по лестнице со второго этажа дома, стоявшего рядом с избушкой, в которой только что проснулись Юрка и Лида. Лестница удивляла впервые видящих её своей нестандартностью. Казалось, будто сделана она из двух придвинутых друг к другу лестниц с узкими ступенями. Причём ступени на каждой из них не совпадали по уровням. Подниматься по ней получалось удобно и довольно быстро, а вот спускаться – медленнее, вразвалочку.

– Вениамин! – басил батюшка в трубку мобильного. – Ты не запамятовал, голубчик, о нашем уговоре?

Видимо, получив положительный ответ, он заулыбался:

– Храни тебя Господь! Заезжай, чаю попьём и Лиду заберёшь...

На улице было солнечно, но для конца августа довольно прохладно. Водитель маршрутки включил отопление, и окно, в которое Лида почти уткнулась носом, прощаясь взглядом с Байкалом, слегка запотело по краям. Машинально её палец вывел на запотевшем участке «ЮРА + ЛИДА». Знак равенства растаял прямо на глазах, и фраза осталась неоконченной. Лида вздохнула, закрыв глаза. Сразу же в голове возникла любимая улыбка. Юрка почти всегда, ну, по крайней мере, когда видел её, улыбался. И то ли от этой вот улыбки, то ли от надёжности, исходящей от сидящего в коляске мужчины, ей было как-то уютно и спокойно. И наоборот, без улыбки – пусто и тревожно. Юрка улыбался ей и будто отъезжал назад, пока совсем не исчез за спиной приехавшего за ней Вениамина. Лида снова открыла глаза. Веня что-то рассказывал, пока вёз её к парому. Но Лида не могла вспомнить ни слова, только прощальное «до свидания» и удаляющийся задний борт грузовичка. Достав мобильник, женщина нашла номер Татьяны – жены Юркиного армейского друга. До вечернего

автобуса надо было где-то остановиться в Иркутске. «Как жалко, что пришлось расстаться с любимым, тем более в свадебном путешествии», – думала Лида. Но выбора не было. Совсем неожиданно позвонила Галя – двоюродная сестра из Барнаула, с которой они не виделись уже... Сколько же лет? Слушая гудки вызова в телефоне, Лида пыталась сосчитать, сколько же именно лет. Галя была старшей сестрой, можно сказать, нянькой. Всё детство было связано и с ней тоже. Даже когда та гуляла с будущим мужем Юрой (тоже Юрой – отметила Лида с какой-то теплотой), никогда не гнала от себя младшую сестрёнку.

– Ляпка! Смотри, не сильно отставай, – улыбалась Галя, оглядываясь на спешащую за ними Лидочку.

И Лидочка старалась не отставать. Потом Галя вышла замуж и уехала в Барнаул. «Сколько же уже лет прошло?», – считала Лида года и количество гудков в телефоне. На том конце никто не отвечал. Женщина нажала «отбой» и нашла в «телефонной книге» имя Наташа.

– Привет, Ляпка! – услышала она радостный голос ещё одной двоюродной сестры. – Ты где? В Иркутске! Заезжай! Ждём!

Лида была поздним ребёнком. Отец всегда называл её своей лапушкой, лапкой. Лапка со временем трансформировалось в Ляпку. Папы, царствие ему небесное, давно не было с нею, а вот ласковое «Ляпка» никогда уже не покидало её.

«Как бы папа был рад за меня!», – улыбулась Лида.

Неожиданно за спиной раздался визг тормозов и звук удара. Обернувшись, Лида застыла от ужаса. Совсем недалеко, на проезжей части, лежал, неестественно раскинув руки и ноги, пожилой мужчина. Смерть будто скомкала его. Глаза на маленьком бородатом лице были открыты. Казалось, что он до сих пор удивляется нелепости, произошедшей с ним, и укоризненно смотрит на хромированный кенгурятник сбившего его «Лексуса». За рулём дорогой игрушки неподвижно сидела, уткнувшись в подушку безопасности, среднего возраста блондинка. Полиция и скорая помощь появились неожиданно быстро. Лида ещё стояла у дороги на тротуаре, когда бедолагу увезла машина с красным крестом. Она будто очнулась, и, не дожидаясь результатов беседы полицейских и хозяйки иномарки, двинулась быстрым шагом к остановке.

«Бедный старик! А может, он ещё жив?» – пыталась Лида заслониться от произошедшего. – Наверняка его спасут. Почему же они сирену не включили? Ведь быстрее надо!».

Открывая зонт, она вдруг поняла, почему молчала сирена. Слезинка скатилась по щеке. А может, это был набирающий силу дождь...

«Ура!», – оглядываясь на далеко отставших от неё подруг, радовалась падающая с неба капелька воды.

«Я первая!» – и плюхнулась в мягкую подушку

дорожной пыли, превратившись в комочек влажной земли.

И вот уже рядом на дорогу стали падать другие капли. Дождь, усиливаясь, потёк ручейками по дорожному склону, смывая землю с серых и коричневых проплешин разновеликих валунов, торчащих то тут, то там. На одном из них, цепляясь за совершенно гладкую поверхность ручками из грязи, пыталась удержаться первая капелька. Вряд ли бы ей удалось задержаться надолго. Но тут её сначала припечатал к камню, а потом закрутил за собой автомобильный протектор.

Микроавтобус, переваливаясь по камням дачной дороги, вёз отца Андрея, Юрку и двух Сергеев к послеобеденному парому. С отъездом Лиды свадебное путешествие завершилось, но поездка на Байкал по-прежнему продолжалась.

Уперевшись в рулевое колесо, Сергей прижал спину к водителскому креслу, таким образом пытаясь расслабить саднящие мышцы. С самого утра погода капризничала. Солнышко в прятки играло – то выглянет озорно, то тучкой занавесится. И дождик то рассеет капельки по траве, то стихнет ненадолго.

Пришло время уезжать, и Сергей, взвалив поэта не спину, понёс его к автобусу. Дождя почти не было. Почти. Но трава с утра была довольно намокшей и скользкой, что и явилось причиной нынешних болей. Почти у самого автобуса нога, не найдя надёжной опоры, поехала куда-то назад. И, чтобы не свалиться вместе со своей драгоценной ношей, Сергею пришлось принять какую-то невероятную по композиции позу. Вот и потянул мышцы. А драгоценная ноша вперилась ошалелыми глазами в мокрую, крутую, петляющую дорогу, будто в рельсы «американских горок», и вцепилась в ручку слева над головой. Водитель усмехнулся. Эти «горки» он извездил вдоль и поперёк, в любую погоду, каждый камушек знал. Сергей нарочно наехал на большой валун, и автобус подскочил. Скосив взгляд на Юрку, удивился, заметив в глазах того какой-то восторг и улыбку на лице. Наконец, автобус съехал с последнего спуска и, словно самолёт, коснулся колёсами горизонтальной поверхности. Дождь уже разошёлся и опустил серую унылую накидку на окружающее. Может, из-за этой неинтересности пассажиры не заметили отсутствия блекло-зелёного магазина. А может, просто не вспомнили. Парома ещё не было, и Сергей оказался первым в автомобильной очереди. Правда, к приходу «Бабы-яги» на причале стояло всего две машины, ещё какой-то грузовичок подрулил...

– Теперь, Серёжа, к отцу Анатолию, – зачем-то напомнил батюшка водителю уже обговорённый ими маршрут.

Тот лишь согласно кивнул. Микроавтобус, скатившись по металлическим сходням, заурчал на подъёме. Выехав на набережную, он усиленно заработал дворниками, стряхивая разошедшийся дождь прямо на асфальт, в котором отражались

теперь включенные фары едущих по нему машин. Вскоре добрались к дому отца Анатолия. Там уже стояли два автомобиля, видимо, привезшие гостей.

– Посидите, братцы, пока тут, – сказал отец Андрей, открывая дверцу. – Пойду, узнаю, что да как, – и вышел.

Пройдя через веранду мимо незнакомых людей, иногда просящих благословения, батюшка, наконец, увидел отца Анатолия. Он вместе с матушкой и дочерью управлялся по хозяйству, следя за приготовлением пищи и накрытием стола. Увидев отца Андрея, отец Анатолий развёл руки и направился навстречу.

– Христос посреде нас, брат, – обнял он его.

– И есть, и будет, – сказал батюшка, отвечая на объятия.

Трижды облобызав друг друга, старые приятели уселись побеседовать...

Выйдя через некоторое время из дома, отец Андрей подошёл к автобусу. Открыв дверцу и усевшись, он сообщил ожидавшим его друзьям:

– Сегодня в этом доме гостей принимают. В том числе и нам будут рады. Так что заночуем здесь, а уж завтра и домой. Да! Отец Анатолий просил нас съездить в Большую Речку, тут недалеко совсем, и доставить к нему ещё одного гостя.

– А кого? – одновременно спросили поэт и художник.

– Деда Михайло, – ответил батюшка, – местного сказителя. Отец Анатолий попросил привезти его – гостей позабавить, да и самого деда, знакомого своего старого, угостить и общением поразвлечь.

Границу, отделяющую Байкал от своей сбежавшей дочери Ангары, каждый определяет по-своему. Кто-то считает таковой Шаман-камень, брошенный взбешённым отцом вслед непокорной беглянке-дочери, а кто и просто место сужения двух байкальских берегов. Есть, конечно, и другие мнения. Но друзья поняли, что достигли Ангары, когда набережная Байкала стала вдруг резко удаляться от воды. Сквозь редкое мелколесье она была ещё видна, видны редкие лодки на ней и подступающие вплотную постройки. Но уже нависал над всем этим великолепием берег противоположный. Сумерки ещё не начинали сгущаться, а автобус свернул с основной дороги за указателем «Большая Речка».

– Куда дальше? – поинтересовался Сергей, выворачивая рулевое колесо.

Батюшка тут же ответил:

– Мира, шестьдесят, у сгоревшей пожарки.

Сидевшие в салоне улыбнулись. Редкое по своей нелепости словосочетание «сгоревшая пожарка».

– Всё одно, что замужняя вдова, – съязвил художник.

Дважды повернув налево, автобус выехал на улицу Мира. Немного спустившись вниз по ней, приткнулся у некрашеного, редкого, как лысеющая шевелюра, забора. Справа от хлипкой калитки на заборной доске был прибит немного пошарканый

жестяной квадратик с цифрой шестьдесят на белом фоне. Батюшка вышел из автобуса и направился к калитке. Взявшись было открыть её, замер, увидев с другой стороны средних размеров пса светлой рыжей масти и дворовой породы. Пёс поджал хвост и выжидающе смотрел на незнакомца. Батюшка внимательно разглядывал невзрачный дом с распахнутыми ставнями потёртого салатого цвета. На почерневших брёвках он разглядел табличку с названием улицы.

«Сюда», – подумал батюшка и постучал в калитку.

Рыжий пёс пролаял дважды и замолчал. Тут же отворилась дверь дома и на пороге, будто специально ожидал стука, появился маленький старик. Выставив вперёд пушистую, аккуратно подстриженную бородку, прикрикнул на пса:

– Дружок! На место! Свои.

Тот завилял хвостом, преданно посмотрев на хозяина, и отбежал в сторону.

– Проходите, батюшка, – позвал дед Михайло гостя. – Мне отец Анатолий уже звонил, я вас ждал. Сейчас внучка прибежит, поможет мне, и поедем. А пока заходите, будьте добреньки.

Отец Андрей отворил калитку и прошёл в дом. В нём была всего одна комната. Она была завалена всем, чем только можно увлекаться в почтенном возрасте: помимо книг, рукописей и тетрадок, на полках лежали фотоаппараты, стоял портрет Маяковского; на столе – инструменты для работы по дереву, пасхальные украшения, включенный компьютер; на советском трюмо – вырезанные из дерева фигурки. К потолочной балке над компьютером прикреплены гимнастические кольца.

– Порядок важен не в домах, а у домашних в головах, – вдруг заговорил маленький старичок, наверное, усмотрев в глазах гостя осуждение.

Батюшка уже был наслышан от отца Анатолия, что дед Михайло был автором более ста тридцати тысяч пословиц и поговорок, и не удивился столь быстрому их применению с его стороны, хоть на самом деле и не обратил внимания на беспорядок.

Дверь вдруг распахнулась, и в комнату вошла девочка лет двенадцати:

– Привет, дедунь! Я задержалась чуть-чуть. Ничего?

Увидев отца Андрея, поздоровалась и с ним.

– Не спеши, а то успеешь, до поры похорошеешь. Станешь в девках куковать. Тут не грех и опоздать.

Дед Михайло, отметившись очередной поговоркой, подскочил с кровати, схватившись за её металлическую спинку:

– Вовремя, Катюш! Вот видишь, за нами только что и приехали. Так что – как раз.

Сказав это, он рванул к выходу, сметая на своём пути деревянные фигуры. Отец Андрей подскочил к нему, пытаясь подхватить, как ему показалось, падающего деда. Но, оперевшись о стол, дед Михайло вдруг ловко ухватился за гимнастическое кольцо и выпрямился, выставив перед батюшкой ладонь:

– Упасть на землю – не напасть, важнее духом не упасть.

Положив руку на плечо Катюши, он поспешил объяснить происходящее:

– Это у меня давно, с детства ещё. Бросает в разные стороны, а люди жалеют меня. Не люблю я жалости их, вот и стараюсь поменьше из дома выходить. Ну, да ладно, если отец Анатолий приглашает, дай Бог ему здоровья, надо ехать.

Девочка взяла деда за руку, и они все вместе направились к автобусу. Батюшка открыл перед стариком и его спутницей дверцу, и те стали устраиваться в салоне. Сергей-художник вежливо поздоровался с новыми пассажирами и отодвинулся ближе к окну, освобождая пространство. Оказавшись вполборота к садящимся, он застыл от неожиданности, увидев улыбающееся лицо деда Михайло. Что-то очень уж знакомое увиделось ему в этом лице. А поняв, что именно, Сергей машинально положил руку на плечо впереди сидящего Юрки. Тот повернул голову, вопросительно глядя на друга.

Увидев, что тот как-то странно смотрит на деда Михайло, пожал плечами и отвернулся. Автобус фыркнул и плавно тронулся в обратный путь...

Глава 16

Сон в безлунную ночь

Сон в безлунную ночь

Звёзды совсем не отражались в чёрных водах. И луны тоже не было. Небо над Байкалом затянуло дождевыми облаками. Единственным источником света посреди набрасывающихся на берег чернильных волн было отражение фонарного столба, вцепившегося в узкую полоску набережной между бордюром тротуара и торчащими из озера валунами, эту набережную поддерживающими. Моросил мелкий зябкий дождь. Фонарь съёжился бы от холода, но природная твёрдость его не позволяла этого сделать. Крохотные капельки воды роились вокруг светящегося плафона, как мошкара. И от этого радужный нимб окружал стеклянный шар, чем фонарь очень гордился. Справа и слева от него стояли такие же столбы, с такими же нимбами. Они освещали такую же дорогу, по которой проезжали редкие машины, и тротуар с идущими по нему ещё более редкими пешеходами. Но только этот фонарный столб освещал дом с номером тридцать три. В нём проживал батюшка Анатолий. И от этого нимб над стеклянной головой столба приобретал особое значение...

Гости уже разъехались кто куда. И деда Михайло друзья отвезли в Большую Речку, а сами вернулись, будучи приглашёнными на ночлег. Богатый стол с омулем, икрой и арбузами заботливыми руками хозяек был убран. Все разошлись по комнатам и улеглись, помолвившись. Комната, в которой расположились Сергей-водитель и Юрка-поэт, выходила окнами на

дорогу. Уличный фонарь жёлтой полосой прочертил в ней пол и потолок. Юрка лежал с открытыми глазами и думал о прошедшем вечере и забавном старике-сказителе: «И всё-таки его лицо мне кого-то напоминает. Вот только кого? Дед Михайло?..»

– Неплохо, молодой человек, неплохо – говорил старичок поэту, только что прочитавшему ему лучшее своё стихотворение. – Вот только читать вы не умеете. Впрочем, мало кто это умеет. А стихотворение неплохое, поздравляю! Будете ещё декламировать, души побольше вкладывайте.

Юрка улыбнулся. Он знал, что читает совсем неплохо, но обижать собеседника не захотел:

– Я учту.

– Вот-вот, учтите.

Отец Андрей попытался вступить за друга:

– Я не согласен, извините. Мне очень понравилось, как Юрий читает.

– Что с того? Вон и красавица, кому нравится, кому не нравится, – съязвил дед. – Я свой суд-то произвёл, не пеняй на произвол, обжалованию не подлежит, – и хихикнул...

«Где же я его всё-таки видел? И чего Сергей-то на него в автобусе пялился?» – думал Юрка, проваливаясь в небытие сна...

Антон, офицер службы госбезопасности братьев-близнецов, единогласно был избран председателем жюри художественно-литературного состязания двух измерений. Подтянутый мужчина с военной выправкой вызывал симпатию и доверие у всех. Пригладив русский ёжик на голове, он распечатал конверт с решением судей:

– Единогласным решением судейской коллегии, – улыбнулся Антон, обнаружив очаровательную ямочку на слегка выдвинутой вперёд нижней челюсти, – по итогам ознакомления независимых посетителей художественной галереи с работами двух живописцев из наших соседствующих друг с другом миров победителем признаётся представитель хозяйствующей стороны.

Офицер одарил всех слушающих его взглядом голубых глаз. Но, увидев второго брата из правящего тандема, глаза его приняли серый оттенок и будто вопрошали: «Ну?»

– По одной уродине не суди о Родине, –отреагировал Сей Сеич на поражение брата.

Сейчас его волновало совсем не это. Ничего другого от Витьки он и не ожидал. Постоянные депрессии и ностальгии по прошлому привели его ко всё учащающимся возлияниям. Писать что-то стоящее тот давно уже был не в состоянии. Приходилось использовать старые запасники, уже множественно виденные их нынешними согражданами. Естественно, свежие картины с только что написанными маяком, Байкалом, берёзовыми рощами и прочими красотами окружающих пейзажей выгодно отличались от картин брата. И что ещё удивительнее, отличить написанное на холстах здешним художником от действительности было весьма затруднительно. Но больше всего

настораживало Сей Сеича то, что, гуляя между выставленных полотен, люди из двух разных измерений уж очень часто беседовали друг с другом. Хозяева весьма приветливо встретили гостей. И представители делегации из его мира никак не могли сопоставить внушаемый им образ врага с улыбками, цветами и накрытыми застольями.

«Тут и до смуты недалеко, – волновался брат-самозванец. – Ну, ничего. Я-то свою часть выиграю, чай, почти ежедневно в стихосложении упражняюсь. Вот даже пословицы и поговорки стал придумывать. Неплохо получается. А там – ничья, и договоримся нос друг к другу не совать и советы не давать. Ишь ты, снова в рифму! Глядишь, и успокоится всё. Только офицерику этого, – зыркнул он на наглеца из госбезопасности, – надо будет извести как-то».

Антон будто понял что-то, и снова посмотрел на министра. И на этот раз в глазах его была сталь.

– Объявляется второй тур состязаний, поэтический, – провозгласил Антон в рупор, снова приглаживая зачем-то русский ёжик.

На опушку к маяку устремились все присутствующие. Сей Сеич уверенно направился туда же. Всю ночь он готовил своё выступление, отобрал самое лучшее из своих секретных источников. Никто и не догадывался, что у знаменитого поэта, помимо собственного таланта, было кое-что ещё.

Очнувшись тогда, после шаманского «зелья», Михайлов Виктор Алексеевич плохо что понимал. Голова ужасно болела, будто по ней прошлись молотком, и открыть глаза казалось невозможным. Ноги были мокрыми, и им было холодно. Странность происходящего принудила всё же открыть один глаз. Пиджак был на нём и майка под ним. А вот ниже – только трусы. Дул лёгкий бриз, принося запах воды, значит, было утро. Витёк окончательно продрал глаза и повернул голову, будто дорогу переходил, налево. Мокрая от росы трава росла на краю пропасти, на дне которой лежал Байкал. Зажмурившись от страха, старик резко откатился от края и уткнулся в чью-то голую спину. Хозяин спины был гол наполовину. На его ноги были натянуты выдавшие виды Витьковы штаны.

– Эй! Ты кто? Ты чё мои брюки спёр? – попытался возмутиться тот, теребя соседа за плечо.

Мужик был, видимо, пьян, поскольку ничего внятного сказать не мог, только руку с плеча скидывал. Но от Витьки Михайлова так просто не отмашешься. Он просто встал и зашёл с другой стороны.

– Эй! Тебе говорят! Ты чё мои брюки спёр?

Витёк взглянул на наглую рожу воришки и икнул. Увидев своё собственное лицо, он сел трусами прямо на мокрую траву:

– Ой! Что Это? А я тогда кто?

– Ты кто? – открыл глаза лежащий Витёк.

– Ты чё это мой пинжак спёр? – возмутился он, поднимаясь. – Сымай говорю! Холодно.

Разглядев в сидящем напротив самого себя, Михайлов в штанах икнул и заорал:

– Ты чё это, на меня похож? А?! А ну, паспорт

покажь!

– Я Михайлов Виктор Алексеевич, – зачем-то начал шарить по карманам Витёк в пиджаке.

Он никогда не таскал паспорт с собой. Но то ли от испуга, то ли чтобы потянуть время, продолжал ощупывать пиджак.

– Ага! – обрадовался вдруг он, нащупав во внутреннем кармане какой-то прямоугольный предмет.

Сунув туда пятерню, вытащил какую-то книжицу. Но это был не паспорт. Поднеся вплотную к слезящимся глазам бледно-жёлтую тонкую обложку, прочитал: «Стихи. Есенин С. А.»...

– Как коротко, как ёмко слово Русь, – вдохновенно декламировал Юрка одно из любимейших своих стихотворений.

Его уже не было здесь, на опушке. Так происходило с ним всегда, когда он читал свои, особо удавшиеся ему, стихи. Вот и сейчас он парил вместе с журавлями над бескрайними хлебными полями, над золотыми маковками церквей, над неухоженными кладбищами.

– И как в восторге сердце замирает! – Закончил Юрка читать и не сразу, будто постепенно возвращаясь на опушку, поклонился слушателям.

Всё вокруг взорвалось аплодисментами: опушка, берёзовые рощи, небо. Даже старый маяк громыхал своим железным чревом. Одинаково горячо аплодировали слушатели из обоих измерений. Сей Сеичу стало не по себе. Надо было срочно что-то делать. И он решился. Подойдя к сопернику, он нарочито громко похвалил его:

– Неплохо, молодой человек, неплохо. Вот только читать вы не умеете. Впрочем, мало кто это умеет. А стихотворение неплохое, поздравляю! Будете ещё декламировать, души побольше вкладывайте.

Толпа недовольно зашумела. А офицер Антон даже попытался возразить:

– Я не согласен, извините. Мне очень понравилось.

– Что с того? Вон и красавица, кому нравится, кому не нравится, – съязвил Сей Сеич, ожидая поддержки от своих.

Свои молчали. И министр решился. Выйдя на середину опушки, он поднял ладонь перед собой, призывая ко вниманию. И, находясь в полной уверенности, что никто не может здесь знать поэзию Есенина, начал:

– Мелколесье. Степь и дали. Свет луны во все концы...

Если Юркины стихи вызвали аплодисменты, то теперь роща взорвалась овациями.

– Здорово! – хлопал Сергей-художник друга по плечу. – Ты не обижайся, но не хуже твоих, даже удивительно!

– Сейчас ты удивишься ещё больше, – почти поблелел Юрка.

– Это Есенин Сергей Александрович. Откуда этот старик знает его стихи? Откуда?! Погоди, сейчас

проверим.

Сказав это, он встал рядом с министром и начал: – Выткался на озере алый свет зари...

Теперь пришла очередь удивляться Сей Сеичу. Румянец возбуждения на его щеках сменился мертвенной бледностью. Этого, к счастью для него, не заметил пристально наблюдавший за ним Антон. Он вместе с остальными восторженно кричал и хлопал в ладони. Зато перемену в настроении брата углядел Виктор Алексеевич. Он и сам, хоть и не являлся большим поклонником поэзии Серебряного века, но «Выткался на озере алый свет зари», естественно, знал. Правда, в отличие от Сей Сеича, на его щеках вспыхнул вдруг румянец надежды. А тот, не на шутку испугавшись, лихорадочно соображал: «Этого не может быть. Если он знает Есенина, значит, он оттуда. Но этого не может быть! А впрочем, я-то здесь. Вон, раздвоившись даже. А может, они могут нас вернуть? Вон Витька как напрягся, обратно хочет. Но я! Я-то не хочу! Что же делать? А может, показалось? Попробую ещё».

Он знал наизусть всего три есенинских стихотворения, одним из которых было «Выткался на озере...», твёрдо веря в то, что и этого вполне достаточно.

– Мне осталась одна забава: пальцы в рот – и весёлый свист...

Дочитав до конца, Сей Сеич напрягся, вдруг слушателям не понравится лёгкая фривольность молодого Есенина? Но шквал новых аплодисментов успокоил его. Пришла очередь противника. А тот, ничем не показывая, что распознал хитрость министра, ещё ближе придвинулся к нему и начал:

– Низкий дом с голубыми ставнями, не забыть мне тебя никогда...

Каждый хлопок отдавался в ушах пистолетным выстрелом, ложащимся всё ближе. Скоро восторги стихнут, и придёт его очередь, понимал Михайлов. Но вытащить спасительную книжицу со стихами он не мог, понимая, что за каждым его движением следят. А декламировать своё после Сергея Александровича? Нет, он не настолько глуп. И аплодисменты стихли. И все взгляды обратились к нему. Пауза явно затягивалась, а соперник очень пристально глядел на него.

– Ой! Мама! Как больно! – согнулся министр почти пополам.

Детская уловка должна была сработать. Витька Михайлов не раз пользовался ею, когда ещё пацаном пытался избежать чего-либо очень нежелательного. Память у него была хорошей, цепкой. И сейчас, чтобы выучить ещё хотя бы пару стихотворений, ему было необходимо, как воздух необходимо, уединение.

– Ой, мамочка! Чем же меня эти «гостеприимные» хозяева накормили? Ой! Отравили меня! Ой, отравили! Где у вас тут уборная? А, ладно! Я вон в ту рощу попытаюсь добежать. За мной не ходить!

Почти простонав это, Сей Сеич рванул к дальним кустам. Никто, конечно, за ним не последовал.

Спрятавшись за берёзами, он сунул руку в карман и обомлел. Карман был пуст. Это был крах!

– Нет, я не мог забыть его. Нет, не мог. Что же тогда? – говорил старик сам себе. – А! Точно! Не зря этот тутошний знаток Есенина всё жался ко мне. Карманник, как есть карманник! Но как же теперь быть? Что делать-то?

Мысль о том, что его вот-вот лишат власти, затмевала все остальные, даже ту, что соперник, возможно, из его же родного измерения. Одна половина Витька явно была против такого поворота. Но в кармане не было Есенина. Возвращение было невозможно. В случае поражения его скорее всего под стражей препроводят назад. А там отберут всё – и на каторгу. Сей Сеич это хорошо понимал, сам так же поступил с предшественником. Остаётся одно – бежать...

Глава 17

Итог

– Гражданин капитан! Нету его ни в той роще, ни в соседних, – отрапортовал сержант из патруля.

Это был уже третий патруль, посланный Антоном на поиски занемогшего министра. Прошёл час. Некоторые зрители откровенно скучали, некоторые заинтересованно беседовали. Благо, хозяева организовали чай и пирожные к нему.

– Сбежал, негодяй! – резюмировал всё понявший офицер.

Это был его первый служебный просчёт. И, чтобы не акцентировать на этом внимание, он снова взял рупор:

– Дорогие сограждане и принимающая, теперь могу сказать уверенно, братская нам сторона!

Такое обращение настолько понравилось всем, что Антона подхватили на руки, и, подбросив пару раз в воздух, поставили на землю. Видно затянувшийся конфликт, не имевший под собой серьёзных оснований, изрядно всем надоел. Радостью и симпатией наполнились сердца. А Антон продолжил:

– В связи с неожиданным исчезновением, – офицер посерьёзней, – я думаю, побегом нашего бывшего министра, им с братом присуждается поражение. И согласно изданному ими же указу, власть безоговорочно теперь принадлежит победителям, – Антон посмотрел на Юрку с Сергеем, – то есть вам.

– Просим вас вместе с нами проследовать в наше измерение для окончательного принятия полномочий и отдачи новых распоряжений.

Все гости дружно зааплодировали и преклонили колени. Поэт поднял руку, прося тишины:

– Дорогие наши! На правах, дарованных нам, – Юрка обнял Сергея, – вами, мы хотим озвучить свой первый и единственный указ. Власть, если, конечно, это власть правильная, является иногда непосильным трудом и всегда большой ответственностью. И, конечно, надо очень любить свою Родину и свой народ, чтобы править справедливо. Мы очень любим

Родину, но свою. И не можем покинуть её даже ради министерских портфелей. Я надеюсь, вы понимаете нас.

Антон попытался что-то сказать, но поэт приложил палец к губам.

– Где родился, там и пригодился. Мы остаёмся здесь. А вы выберите своего, честного и трудолюбивого кандидата во власть. Мне, если разрешите высказать своё мнение, таким видится капитан вашей госбезопасности.

Гости из соседнего измерения заговорили:

– Правильно! Антон достоин! Мы его с детства знаем. Правильно поэт говорит, дело!

Антон зарделся то ли от удовольствия из-за оказанного ему доверия, то ли от смущения:

– Постойте, не торопитесь! Спасибо, конечно, за доверие. Но я думаю, надо выборы организовать, как положено. Может, и достойнее кандидатов найдём.

Его тоже поддержали:

– Правильно! Выборы, демократия! Надоела хунта братьев-министров! Кстати, а где они?

Но, сколько ни пытались их отыскать, не было ни того, ни другого. Как сквозь землю провалились.

– Ладно, – вдруг сказал молодой офицер и взерошил ёжик на голове. – Теперь, когда мы можем, и надеюсь, будем общаться, куда они денутся? А сейчас пора прощаться, дела ждут. Завтра придут наши представители обсудить все детали освобождения пленников.

– С кем, скажите, мы сможем оговорить этот вопрос? – обратился Антон к хозяевам.

– Со мной, гражданин офицер, со мной. Я и являюсь представителем местной власти, – вышел вперёд Иван Савватеевич.

– А, старый знакомый, – улыбнулся Антон, – честь имею.

С этими словами он козырнул и, построив патрульных, направился к маяку. За ними к маяку последовали и остальные гости...

– Эх, и молодцы же вы, ребята! Такое дело сделали! Такое дело!

Иван Савватеевич весь превратился в улыбку и дружеские объятия. Проводив гостей по измерению к маяку и тепло попрощавшись, толстяк в кримплене со друзьями окружили поэта и художника, направившись вместе к избушке с оставшимися там проекциями.

– Кажется, дождь начинается, – заметила вдруг продавщица сувениров Людочка.

– Природа плачет, – улыбнулась нищенка Никаноровна.

Дядя Акинфий накинул капюшон рыбацкого плаща:

– А по-моему, уже рыдает.

– А ну, кто первый добежит? – подзадорил всех гаишник Фёдор...

Первым к избушке добежал Юрка. Ему так нравилось бегать, а не сидеть в коляске, что он с лёгкостью всех обогнал. Но в избу заходить он не стал, а как настоящий мужчина решил пропустить женщин, ну и всех остальных. Зайдя последним и

закрыв за собою двери, он осмотрелся. Капитан снял фуражку, отряхнул её от дождя и повесил на гвоздь. Дядя Акинфий с профессиональностью заядлого рыболова сладил огонь в печурке. И вскоре от мокрой одежды присутствующих пошёл пар. Никаноровна с Людочкой разлили чай по кружкам и поставили на стол печенье.

– Ну, сейчас отогреемся и прощаться будем, – печально и даже строго сказал Иван Савватеевич.
– Жаль, конечно, расставаться, но задерживать вас, дорогие наши, не имеем никакого права. Спасибо вам за неоплачиваемую услугу.

Весёлый обычно толстяк не улыбался. Схватив кружку с чаем, он стал, обжигая губы, пить его, чтобы как-то скрыть их подрагивание. А Глафира Северьяновна и не скрывала слёз. Повисла какая-то гнетущая тишина.

– Да что вы?! – Почти выкрикнул Юрка. – Всё же хорошо, всё же просто здорово! Уже завтра скорее всего вам начнут ваших близких возвращать! Конфликт исчерпан! Победа за вами. Ура!

Все заулыбались и повеселели:

– Ура!!!

Стук в двери оборвал восторженные крики.

– Интересно, кого непогода привела? – поднялся Иван Савватеевич.

Вместе с ним приподнялись и гаишник и капитан.

– Кто?! – как можно строже спросил толстяк.

Стук вдруг стих и в двери будто заскребли:

– Откройте. Это я. Холодно!

– Кто я? – Прозвучал вопрос ещё строже.

– Я это, бывший министр, сосед ваш. Откройте, пожалуйста, у меня к вам очень важное дело.

В избушке было много взрослых мужчин, и опасаться одинокого старика, пусть даже и бывшего министра, причин не было. Да и любопытство взяло верх. Откинув щеколду, впустили нежданного гостя. Виктор Алексеевич походил на мокрого взъерошенного воробья. Он прикрыл за собой дверь и жадно ухватился за кружку чая, предложенного ему Никаноровной.

– Спасибо вам огромное, – начал он разговор, прихлёбывая обжигающую жидкость. – Не сочтите, пожалуйста, за бахвальство, но это я помог вам сегодня выиграть. Вот, – министр выложил на стол перед Юркой сборник со стихами Есенина. – Я знал, что брат обязательно захочет им воспользоваться, вот и стащил. Надоела мне эта жизнь фальшивая. Я сначала-то хотел у вас остаться, хозяйством каким-никаким обзавестись, лодочкой, друзей настоящих найти, а не этих дворцовых подхалимов. Глядишь, и писать начал бы снова, как когда-то. А для всего этого нужно проиграть было. Да вот ведь в чём дело. Как до поэзии дошло и братец за Есенина принялся, думал, что проиграете вы. Гляжу, а вы ему Есениным в ответ. Обомлел я. Ведь, если и вы его знаете, значит, из нашего, есенинского измерения. А значит, в курсе, как мне помочь вернуться. Я вас умоляю, помогите!

– Витёк просителью сложил ладони.

Иван Савватеевич вопросительно посмотрел на друзей.

– Баба с возу... – сказал дед Акинфий.

– Попутчиком нашим победителям будет, да и нам вопросов меньше.

– А нужен им такой попутчик? – Вдруг спросил Владимир Юрьевич.

– Он, как-никак, брата-то предал. Ненадёжный тип.

– Да какого брата? – воскликнул министр, и всё рассказал про шамана и про зелье.

Выслушав его рассказ, друзья задумались.

Юрка с любовью смотрел на Лидину проекцию и, предвкушая скорую встречу с любимой, был в прекрасном настроении:

– А что? Давайте попробуем. Мы там за ним присмотрим.

– Да вы сами там вряд ли что вспомните. Но пожалуйста, – сказал Савватеевич и выложил на стол конфету с витиеватой надписью...

Сей Сеич твёрдо был уверен, что этот поэт-аферист, так ловко стащивший у него из внутреннего кармана сборник стихов, был оттуда. Не мог он иначе знать Есенина, никак не мог. А это значит, что и способ перемещения в измерениях ему известен. И, наверное, он мог бы и им с Витькой помочь вернуться назад. Но Сеич, в отличие от этого алкаша Витьки, туда не хотел. Там у них ничего не было, кроме безнадёги. А ему бы снова очутиться во дворце за маяком, снова почувствовать это. Нет, не сытость, не уют, не защищённость, а сладко-терпкий вкус власти, почувствовать себя вершителем. Ведь было же это всё, пока не появился этот поэт из их бывшего измерения. Именно его он ненавидел сейчас больше всего лютой ненавистью. Это по его вине всемогущий министр вынужден сейчас бежать от собственных охранников, пытающихся найти его и задержать. Он далеко отбежал от маяка и не видел, как все его подчинённые с охраной вместе, тепло попрощавшись с хозяевами, ушли через маяк.

– Я убью его! – твердил Сей Сеич, продираясь сквозь какой-то колючий кустарник, боясь даже оглянуться назад, не то чтобы вернуться.

Неожиданно перед ним вырос какой-то двухэтажный деревянный дом, с трёх сторон окружённый строительными лесами. За ним по склону спускался к Байкалу какой-то посёлок. Рядом с домом стояла небольшая изба. К ней он и прокрался. Дверь в избу оказалась заперта, но к чердачному проёму была приставлена лестница. Начинался дождь, и министр поспешил забраться на чердак. Прямо напротив проёма находилось чердачное окно, и свет, льющийся с двух сторон, позволял разглядеть всё окружающее пространство. Около печной трубы Сей Сеич разглядел оставленный кем-то кухонный нож, вилку и большой чёрный сухарь. Голод резанул спазмом по животу, и он, схватив сухарь, вцепился в него зубами. Услышав голоса на улице, старик с

ловкостью хорька метнулся к заливаемому дождём окну. Сырость небесная ещё не полностью размыла очертания улицы, и Сей Сеич между дождевыми струями смог отчётливо разглядеть подбегающего к домику ненавистного ему поэта. Он готов был голыми руками вцепиться тому в горло, но, во-первых, не был уверен в результате, а во-вторых, за поэтом бежали ещё какие-то субъекты. Пока министр лихорадочно соображал, как поступить, все уже зашли в дом. Сквозь потолок пробивалось какое-то бормотание, но ничего разобрать было невозможно. Иногда снизу угадывался смех, и тогда старик ненавидел их всех ещё больше. А потом в двери постучали с улицы.

«Откройте. Это я. Холодно!» – услышал Сей Сеич собственный голос.

«Витька! Что он здесь делает? Как нашёл его? Значит, его не арестовали?» – пронеслось в голове.

И вдруг: «Неужели этот подлец надеется договориться с ними? А вдруг они согласятся? Ну, уж нет!»

Ослеплённый яростью, он поднял нож и вилку. Сунув вилку в карман и сжав нож в руке, спустился по приставной лестнице и выглянул из-за угла. Витьки уже не было. Старик, прижимаясь к стене и не обращая внимания на дождь, подкрался к двери. Видно, Витёк забыл плотно прикрыть дверь, и в образовавшуюся щель Сей Сеич мог видеть, как, посоветовавшись о чём-то, хозяева положили перед братом конфету, сказав:

– Съешь и подумай, где хочешь оказаться. Может, что и выйдет, переместишься.

А потом он увидел его! Поэт сидел рядом с лежащей женщиной с закрытыми глазами и будто гладил её по голове. Лицо её почему-то сразу врезалось в память бывшему министру. Потом навалилась злость. Они радовались и улыбались, даже его братец-идиот. У них всё было впереди. Всё впереди, за его счёт. Решившись, он рванул на себя незапертую дверь и ворвался внутрь. До поэта не было и трёх шагов. Замахнувшись ножом, Сей Сеич бросился к нему. Ржавый клинок пробил грудь. Тело медленно осело на пол. Это было его тело. В последнее мгновение Витёк успел снова встать у него на пути. Поняв, что случилось, он зло прошипел:

– Идиот, – схватил конфету со стола и выскочил наружу.

Когда все пришли в себя, мужчины кинулись в погоню, а женщины к Витьку...

Витёк умер, а убийцу его так и не нашли. Пока его искали по окрестностям, он сидел на чердаке и думал: «Опять не получилось! Эх, Витька! А впрочем, сам виноват. Да к тому же без меня сбежать хотел. Что же теперь делать? Назад, во дворец, нельзя. Сразу на каторгу. Здесь тоже посадят».

Печная труба согрела старческую спину, и кровь быстрее подступила к голове.

«Вернусь-ка я к истокам. Но не в Большую Речку, делать там нечего. А сразу в Иркутск. Всё-таки областной центр, и не знает никто. Начну жизнь заново», – думал Сей Сеич, разворачивая конфету и кладя её в рот.

Он уже был в городе и, засыпая, вспоминал почему-то остановку, на которой много раз приходилось ждать автобус.

«Жаль, без Витьки! Кто же бумаги выправит?»

– Дедушка! Не спите, холодно здесь, – трясла за плечо Сей Сеича худенькая девушка.

Тот медленно открыл глаза и улыбнулся:

– Что тебе? Ага, получилось всё-таки!

– Что получилось? – удивилась девушка.

– Ты иди, иди. Дальше я уж сам, – встал Сей Сеич и вышел к дороге.

Из-за дождевого облака выглянуло солнце и осветило противоположную сторону дороги. Старик с интересом смотрел на пешеходов, будто изучая новых сожителей. Неожиданно лицо его напряглось и глаза прищурились. Почти напротив Сей Сеича, с той стороны дороги, шла та, которую он видел рядом с его ненавистным соперником в избе. Всё взорвалось внутри, бешено застучало в висках. Левая рука нащупала в кармане вилку. Старик с перекошенным лицом бросился через дорогу.

– Убью!

«Хрясь!!!» – и хромированный кенгурятник серебристого «Лексуса» подвёл итог.

А дождь постепенно превращался в ливень, скрывая слезинку, скатившуюся по щеке обернувшейся женщины на противоположной стороне дороги.

Глава 18

Возвращение

Конец у августа дождлив.

Почти что к осени дошли

Дни в отрывном календаре.

И вот сентябрь у дверей

Стоит и ждёт поры своей.

Записав на телефон только что пришедшую в голову строфу, батюшка положил его в карман рясы и посмотрел в автобусное окно. Да, он тоже иногда писал хорошие стихи, но довольно редко. А показывал их кому-либо ещё реже. Идущий с утра дождь сопровождал друзей почти всю дорогу от Листвянки и до Иркутска, что и навело отцу Андрею поэтическую меланхолию. Но на подъезде к городу дождь затих и выглянуло солнышко, заливая утренние улицы Иркутска ярким светом. По просьбе художника притормозили у перекрёстка с улицей Карла Маркса. Сергей решил зайти в картинную галерею за нужными ему красками. Быстро перебежав по пешеходному переходу на противоположную сторону, он нашёл глазами знакомую дверь под вывеской «Галерея художественная». Бывая в Иркутске, Сергей любил сюда ходить. За дверью с массивной латунной ручкой было всё, всё, что могло вместиться в довольно небольшом помещении: кисти, краски, мольберты и прочая художественная оснастка. Но главное, здесь выставлялись художники. Выставлялись немного – сообразно масштабам помещения и

очерёдности. Иногда кое-что покупали обыватели, как их между собой, будто оправдывая этим что-то, называли выставяемые. И это было подспорьем в их принципиально безработной жизни. Были здесь и картины Сергея, давно, правда. Он называл их открытками, или попсой, на продажу, одним словом. Эти «открытки», бесспорно, привлекали к себе внимание, но цены автор заламывал, вот и не покупали...

– Здравствуй, Серёжа! – добродушно встретила его бессменная хозяйка галереи Надежда...

Отчества художник запомнить не мог, поэтому поздоровался:

– Здравствуйте, тётя Надя! Как дела?

– А! Какие дела? Так, слёзы. Измельчал народец. Заходят мало, покупают ещё меньше. Тебя какая надобность привела?

– Да мне кое-что из красок необходимо. Нигде, кроме вас, конечно, не сыщешь, – не льстил Сергей.

Тётя Надя улыбнулась и подняла палец вверх:

– Правда твоя. Если б ты знал, скольких трудов и связей мне это стоит. На витрине не всё. Сюда проходи, – пригласила она его в комнатку за витринами.

Достав откуда-то небольшой чемоданчик, она открыла его и поставила перед художником, гордо глядя на него. Это, и правда, было богатством.

Из зала раздался шлепок входной двери.

– Ты выбирай, а я к посетителю, – сказала хозяйка и удалилась.

Сергей быстро нашёл нужное и прислушался к происходящему в зале.

– Здравствуйте, тётя Надя! Ну что тут с моей «Психеей»?

– Здравствуй, Светик! Да ничего пока, не пришёл ещё твой покупатель. Надо подождать.

Голос гостя показался художнику знакомым, и он выглянул из-за портьеры.

– Спасибо, тётя Надя! Я пойду, – сказала девушка и пошла к двери.

Он не кинулся следом только потому, что не мог сделать и шагу. Гостя удивительно походила на его жену в молодости, обладала тем же тембром, тоже была художницей и носила такое же имя. Но как только за ней захлопнулась дверь, Сергей очнулся и кинулся в зал.

– Тётя Надя, это кто? – спросил он.

– Что, уже нашёл то, что хотел? – взяла она у него тюбики и подошла к кассе.

– Светик мне свою картину принесла. Вот она, – тётя Надя протянула ему одной рукой чек, а другую направила в сторону небольшой картины.

– А кто она и откуда, извини, не знаю. Я её адрес спрашивала, она сказала, что у неё его нет.

Художник взглянул на картину. Девушка с крыльями бабочки манила его пальчиком и пыталась выпрыгнуть из рамы. Сергей, сунув тюбики в карман, бросился на улицу, даже не попрощавшись. Придержав закрывающуюся дверь, оглянулся по сторонам. Знакомая кофточка скрылась за бетонным забором на противоположной стороне дороги.

Художник выкрикнул: «Света!» и бросился через дорогу. Чудом увернувшись от потрёпанной иномарки и новенького «Жигулёнка», он выскочил на тротуар. Светлана исчезла, зато, как из-под земли, появился гибдэдэшник:

– Так, так! Нарушаете, значит. Зачем же, позвольте вас спросить, нарушаете? До зебры десяток метров, не больше. Что же, дойти тяжело?

Сергей с видом школьника, застуканного за курением, стоял потупившись.

– Да мне тут одну женщину догнать надо было, – начал мямлить он.

– Вот-вот, тут утром тоже один старичок за женщиной погнался, – многозначительно посмотрел страж порядка.

– И? – обречённо спросил художник

– И отбегался! – ответил тот. – Даже штраф не оплатил, – то ли нехорошо пошутил, то ли на что-то намекнул гибдэдэшник.

А денег у художника уже не оставалось.

– Мир вам, – вырос у полицейского за спиной отец Андрей.

Тот обернулся и застыл от неожиданности.

– Что-то случилось? – Спросил батюшка у Сергея. – Ты где запропастился? Сколько тебя ждать можно? Так и в храм опоздаем.

Нарушитель поспешил оправдаться:

– Да вот, батюшка, поспешил и правила нарушил, до перехода не дошёл.

– Что ж ты? Поспешай, да правил не нарушай. Вон человека зря от дела отвлёк, – посмотрел он на стража порядка.

И продолжил:

– Вы уж простите раба Божьего. Он больше не будет. Не будешь же?!

– Не буду, – подтвердил Сергей.

– Да уж будьте любезны, – сказал полицейский и, козырнув, растаял в воздухе.

Сев в автобус, отец Андрей сказал Сергею-водителю:

– В Знаменский, Серёжа, грехи замаливать...

Успенский пост близился к завершению. В трапезной Знаменского монастыря за небольшим столом сидели четверо. Матушка Агафья поставила перед гостями глубокие тарелки с дымящимся супом. Хотя, в общепринятом смысле, назвать это блюдо супом было бы преувеличением. В горячей воде плавала варёная сечка и небольшой кружок моркови. Пост есть пост. Зато на второе подали кашу с растительным маслом и в отдельной миске – мелкую картошку в мундирах. Всю эту кажущуюся скудность компенсировали солёные огурчики и солёная же капуста. Поблагодарив Господа за милость Его, ели молча.

«Странно, сегодня у шлагбаума почему-то нищих не было», – думал Сергей-водитель, доедая суп.

Отец Андрей и Юрка сейчас мысленно находились у раки с мощами святителя Иннокентия. Первый снова переживал совместное со здешним священником, отцом Евгением, чтение канонов и акафистов. А поэт

вспоминал с благодарностью, как специально для него открыли раку и он целовал мощи. Поднося к губам кружку с чаем, Юрка видел в его отражающей поверхности великолепие икон на храмовых стенах и блаженно улыбался.

«Как же? Как же мне найти её? А была ли она вообще?» – задавался вопросом Сергей-художник, вгрызаясь в сочную мякоть огурца.

А на улице уже всю сияло солнце, когда друзья, оттрапезничав и поблагодарив Господа, вышли на монастырский двор. Один из последних августовских дней к обеду высушил слёзы и светло улыбался. Микроавтобус укрылся в тени храма и ждал пассажиров. Повернувшись к храму и перекрестившись на лик Христа над его входом, друзья забрались в автобус и отправились домой...

Попетляв немного по иркутским улочкам современной и старой застройки, выехали на трассу. Дорога серой рекой потекла к устью. И путешественники плыли по её течению, мысленно уже находясь дома. Иногда делали небольшие остановки: заправить автобус и заправиться самим, полюбоваться на окружающие красоты да и просто размять ноги. Остановились и у Тельминской церкви, наверное, самой красивой не только в области, но и в Сибири. Художник взял фотоаппарат и направился искать наиболее удачные ракурсы бело-голубой красавицы в синих кокошниках крыш, увенчанных золотыми, с крестами на них, маковками куполов. Увлёкшись, Сергей уходил всё дальше, и только у церковного пруда вспомнил, что его ждут. Возвращаясь, он отснял ещё несколько колоритных изб у дороги.

Уже после обеда остановились в берёзовой роще на въезде в Усолье-Сибирское. Водитель вытащил из багажного отделения инвалидную коляску и поставил её между трёх берёз. Затем туда же он перенёс и поэта. Остальные устроились рядом, расстелив на траве скатерть-самобранку из найденных в салоне автобуса газет. И на ней появилось всё, что оставалось: хлеб и омуль. Мимо импровизированного стола прошли, громко переговариваясь, местные грибники:

– Санька! Ты чё попало не клади! Чё не знаешь, меня покликай. Слышь, Сань?!

– Чё пристала? Сама-то чё вчера мухомор припёрла?

– Чё бы понимал, сопля мамкина! Я его для красоты взяла, а не чё бы в суп. А будешь барагозить, не возьму с собой. На чё ты мне сдался, хомутина?

– Да чё ты взъелась? Сказал же, покажу, чё положу! Тока нету ничё, мусор один.

– Да, мусорщиков развелось! – Осуждающе посмотрела девчонка на отдыхающих в роще путешественников.

– Мы уберём за собой, обязательно, – сказал батюшка, повернувшись в сторону грибников.

– А с грибами нынче как?

– Да ничё, хватает, вроде, – как бы смилостивилась неожиданная собеседница. – А вы, если часок-полтора подождёте здесь, могу лукошко вам поднести, продать недорого.

Батюшка, будто извиняясь, отказался:

– Спешить нам надо. А то бы конечно.

– Ну, так чё? – пожалла плечами девчонка и пошла дальше.

Мусор сложили в целлофановый мешок и, кинув его в автобус, сели туда сами. На обочинах дороги стояли грибники с полными вёдрами и смотрели на пронесившиеся машины, надеясь, что кто-то остановится, чтобы купить их добычу. Белый микроавтобус, не останавливаясь, приближал своих пассажиров к концу путешествия. Юрка смотрел на мелькающие пейзажи и думал о скорой встрече с любимой. Откинувшись на подголовник переднего кресла, он приготовился закрыть глаза. Впереди с обочины вспорхнула бабочка и ударилась о лобовое стекло. Распластавшись на нём, бабочка вдруг оказалась конфетной обёрткой.

«Волшебные», – успел прочитать поэт.

И бабочка улетела...

– Лети! – громыхнуло в голове у ангела. Богу не нужны уста, чтобы его слышали, впрочем, как и слушающим его, не нужны уши. Ангел-хранитель был у Него на хорошем счету и старательно исполнял волю Божью. Вот и сейчас он, получив телепатическое указание, снова отправился на землю.

У дома Ивана Савватеевича ангел неслышно коснулся земли. Хозяин мирно спал, сунув руки под щёку и улыбаясь. Склонившись над ним, ангел прошептал:

– Всё хорошо, всё получилось. Скажи мне, где оставшиеся конфеты, – и, прочитав ответ в голове спящего, заглянул под кровать. – Как дети, – улыбнулся ангел, расправив крыло.

Коробка с конфетами подлетела к нему и исчезла, словно кролик в шляпе у фокусника.

– Прощай, человек, – подумал гость с небес и тут же очутился у старого маяка.

Закрывать проход и залатать дырку между измерениями тоже было нетрудно. Ангел троеперстно осенил себя крестом и сложил перед ликом ладони.

– Исполнена воля Твоя! – помыслил он.

– Молодец! – ворвался в голову глас.

– Радуюсь тебе! Мыслью возвысить тебя рангом! Знаю, знаю, что ответишь. Но пора дороге молодым уступать, так что не возражай. Конфеты сдай на склад, и к архангелам за указаниями.

– Благодарю Тебя, Отче наш! Хоть и считаю недостойным себя, но рад служить Тебе и буду служить всегда! Прости меня, Боже, я сделал всё, как Ты сказал. Но ведь хватятся они поутру и конфет, и прохода в маяке. Опять смута в умах.

Ангел подождал ответа. Но, ничего не услышав, отправился на склад...

Иван Савватеевич проснулся и, подскочив с кровати, кинулся на кухню. Увидев Степаниду, колдующую у печки, облегчённо вздохнул. Женщина обернулась и, отерев пот с милovidного, с лёгкими морщинками, лица, спросила:

– Ты чего?

Иван подошёл и обнял жену:

– Да так, сон непутёвый приблизился...